

ЛИЗА КЛЕЙПАС

БРИДЖЕРТОНЫ
И ДРУГИЕ

РЕЙВЕНЕЛЫ

ТАИНСТВЕННЫЙ НЕЗНАКОМЕЦ

Для поклонников сериала **«БРИДЖЕРТОНЫ»**

Бриджертоны и другие

Лиза Клейпас

Таинственный незнакомец

«Издательство АСТ»

2017

УДК 821.111-31(73)

ББК 84(7Сое)-44

Клейпас Л.

Таинственный незнакомец / Л. Клейпас — «Издательство АСТ»,
2017 — (Бриджертоны и другие)

ISBN 978-5-17-134324-8

Доктор Гаррет Гибсон — единственная женщина-врач в Англии — гордилась своей независимостью во всех отношениях, кроме одного: в личной жизни она оставалась безупречной викторианской леди. И лишь однажды Гаррет позволила себе пасть жертвой очарования незнакомого красавца ирландца... Этан Рэнсом незаконный, отвергнутый отцом отпрыск рода Рейвенелов, — человек с темным прошлым и еще более темным настоящим. Никто не знает, почему он оставил карьеру в Скотленд-Ярде, никому не известно, на кого он работает теперь. И он никогда не позволил бы себе снова вторгнуться в жизнь любимой женщины, которой из-за него может грозить опасность, но когда жизнь Этана окажется на волоске — только Гаррет способна спасти его...

УДК 821.111-31(73)

ББК 84(7Сое)-44

ISBN 978-5-17-134324-8

© Клейпас Л., 2017

© Издательство АСТ, 2017

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.

46

Лиза Клейпас

Таинственный незнакомец

Lisa Kleypas
HELLO STRANGER

Печатается с разрешения литературных агентств William Morris Endeavor Entertainment, LLC и Andrew Nurnberg.

© Lisa Kleypas, 2017

© Перевод. И. Родин, 2021

© Издание на русском языке

AST Publishers, 2024

Исключительные права на публикацию книги на русском языке принадлежат издательству AST Publishers.

Любое использование материала данной книги, полностью или частично, без разрешения правообладателя запрещается.

Глава 1

Лондон, лето 1876 г.

Кто-то крался за ней по пятам.

Ощущение тревоги вдруг нахлынуло на Гаррет, и тонкие волоски на руках встали дыбом. С недавних пор во время еженедельных визитов в лазарет работного дома ее сопровождало неотступное чувство, что за ней пристально наблюдают. Чего-то конкретного, чтобы утвердиться в своей тревоге – например, мимолетного явления незнакомца за спиной или звука шагов, – не было, но она чувствовала чье-то присутствие рядом.

С докторским саквояжем в правой руке и ореховой тростью в левой, Гаррет продолжала идти быстрым шагом, обращая внимание на каждую мелочь вокруг. Церковный приход Клеркунуэлл в лондонском Ист-Энде не место для легкомысленных. К счастью, до недавно проложенной широкой улицы, где можно было нанять кеб, осталось всего каких-то два квартала.

Стоило ей выйти на Флит-стрит, как из-под решетки на мостовой вырвалось ядовитое облако подземных испарений, и на глазах выступили слезы. Гаррет могла бы прикрыть нос и рот надушенным носовым платком, но жительница этих мест так никогда не поступила бы, а ей не хотелось выделяться.

Черные от копоти многоквартирные дома, прижимавшиеся друг к другу, словно зубы во рту, хранили зловещее молчание. Большинство этих полуразрушенных зданий были обречены под снос и стояли закрытыми, ожидая начала новой застройки. С другого конца улицы свет фонарей едва пробивался сквозь туман, который, осев, заглушил все звуки и почти скрыл кроваво-красную луну. Совсем скоро здесь появится обычный для этих мест контингент: разносчики еды, карманники, пьяницы и проститутки, – но Гаррет к этому времени собиралась быть далеко отсюда.

Внезапно из зловонного мрака показались трое одетых не по форме солдат и с сиплым хохотом двинулись ей навстречу. Гаррет замедлила шаг и перешла на другую сторону улицы, стараясь не высовываться из тени, но было поздно – один из солдат заметил ее и обратился к своим товарищам:

– Гляньте, какая удача! Милая потаскушка: как раз чтобы развлечься на ночь глядя.

Бросив холодный взгляд на троицу, Гаррет крепко стиснула изогнутую ручку трости. Можно было не сомневаться, что мужчины явно злоупотребили выпивкой, целый день прости-

дев в таверне. Там всегда находилось множество развлечений, чтобы занять простых солдат, оказавшихся в увольнении.

При их приближении сердце Гаррет учащенно забилося.

– Позвольте мне пройти, джентльмены, – решительно заявила она, намереваясь снова перейти на противоположный тротуар.

Однако мужчины преградили ей путь, посмеиваясь и пьяно покачиваясь.

– Надо же: говорит прямо как благородная леди, – заметил самый молодой, видимо, где-то потерявший фуражку, поскольку рыжие волосы торчали в разные стороны.

– Никакая она не леди, – возразил ему другой солдат, высокий, с худым лицом, почему-то без форменного кителя. – Леди по ночам одни не ходят. – Он рассматривал Гаррет с ухмылкой, обнажив желтые зубы. – Давай отойди к стеночке и задери юбки, красотка. У меня настроение получить удовольствия на три пенни.

– Вы ошиблись, – отрезала Гаррет и попыталась обойти их. – Я не проститутка. Кстати, тут поблизости есть несколько борделей, где вы получите удовольствие за ваши деньги.

– Даже и не подумаю платить, – гаденько усмехнулся длинный. – Я все получу бесплатно. И прямо сейчас!

Надо сказать, Гаррет не в первый раз попадала в ситуацию, когда ее оскорбляли или грозили расправой во время посещения бедных районов Лондона. Пришлось даже взять несколько уроков у профессионального фехтовальщика, чтобы суметь защитить себя в подобных случаях. Но сегодня она чувствовала себя вымотанной после приема по меньшей мере двух дюжин пациентов в лазарете работного дома, и ее бесило, что приходится выяснять отношения с этой троицей задир, когда так хотелось оказаться дома.

– Вы состоите на службе ее величества, и разве вам неизвестно, что вашей священной обязанностью является защищать честь женщины, а не попираť ее? – ядовито заметила она.

К разочарованию Гаррет, этот вопрос вызвал лишь искренний смех, а не стыд.

– Так и просит насадить ее на крюк, – заговорил третий солдат, коренастый парень с грубым, изрытым оспой лицом и тяжелыми веками.

– Она может поелозить и на моем крюке, – предложил самый молодой и натянул ткань брюк так, чтобы продемонстрировать очертания своего естества.

Солдат с худым лицом, глядя на Гаррет, выразительно усмехнулся:

– Давай-ка к стеночке, моя прекрасная леди. Проститутка ты или нет, мы сейчас тебя попользуем.

Коренастый вытащил из кожаных ножен на поясе штык со смертельными зазубринами и, потрясая им в воздухе, прохрипел:

– Делай что говорят, или я настрогаю тебя как бекон!

Гаррет слегка затошнило, сердце бешено колотилось, и она холодно заметила:

– Доставать оружие из ножен во время увольнения противозаконно. А вкупе с употреблением алкоголя в публичном месте и изнасилованием это грозит вам наказанием поркой и заключением в тюрьму по меньшей мере на десять лет.

– Тогда будь уверена: я отхвачу тебе язык, чтобы ты не проговорила, – криво усмехнулся коренастый.

А ведь он так и делает: Гаррет в этом не сомневалась. Будучи дочерью отставного констебля, она понимала: раз этот тип достал оружие, то наверняка применит его. В прошлом ей частенько приходилось накладывать швы на резанные раны на щеках и на лбу женщинам, которым насильники хотели «оставить что-то на память» о себе.

– Подожди! – остановил его молодой. – Не надо запугивать бедняжку. – И повернувшись к Гаррет, добавил: – Давай мы сделаем то, что нам хочется. Все пройдет проще, если ты не будешь сопротивляться.

С трудом подавив вспышку ярости, Гаррет вспомнила правила боя, преподанные ей отцом. «Держи дистанцию. Не давай обойти себя с флангов. Убалтывай и отвлекай внимание противника, чтобы выбрать удобный момент».

– К чему применять силу к женщине, которая не хочет? – спросила она, осторожно опуская саквояж на землю. – Если у вас нет денег, я дам вам несколько шиллингов: этого достаточно, чтобы оплатить бордель.

Незаметно ее рука скользнула во внутренний карман саквояжа, где лежали завернутые в кожу хирургические ножи. Пальцы обхватили тонкую серебряную ручку скальпеля. Выпрямившись, она ловко спрятала его от посторонних глаз. Знакомая тяжесть инструмента успокоила.

Периферическим зрением Гаррет заметила, что коренастый со штыком в руке начал обходить ее сбоку. Одновременно длинный резко сократил расстояние между ними, заверив:

– Мы, конечно, возьмем шиллинги, но сначала попользуем тебя.

Удобнее обхватив ручку скальпеля, Гаррет прижала большой палец к плоской стороне хирургического ножа, а кончик указательного осторожно положила на тыльную кромку лезвия. «Сначала попользуй вот это!» – подумала она и резким движением выбросила руку вперед, надеясь, что рука не дрогнет. Смертельно острое маленькое лезвие воткнулось длинному в щеку. Вскрикнув от удивления и злости, он замер на месте. Не останавливаясь, Гаррет развернулась к солдату со штыком, взмахнула тростью, словно теннисной ракеткой, и изо всех сил врезала ему по правой руке. Застигнутый врасплох, коренастый взвыл от боли и выронил штык, но Гаррет не остановилась на этом и врезала ему тростью по левому боку. Раздался хруст костей. Затем со всего размаха воткнула ему конец трости в пах, отчего солдат сложился пополам, а закончила тем, что ручкой трости нанесла ему снизу вверх удар в челюсть. Коренастый сполз на землю, как незастывшее желе.

Подобрав штык, Гаррет повернулась к двум оставшимся солдатам и в следующий миг замерла от удивления.

Оба солдата лежали на мостовой, раскинув руки и ноги.

Это что – уловка? Они делают вид, что потеряли сознание, чтобы заставить ее подойти поближе?

От прилива адреналина Гаррет все еще сотрясала дрожь, но постепенно она осознала, что критическая ситуация позади, и медленно приблизилась к лежавшим мужчинам, предусмотрительно оставаясь на безопасном расстоянии. Несмотря на то что рана от скальпеля на щеке длинного казалась серьезной, этого было недостаточно, чтобы он впал в бессознательное состояние. Впрочем, на голове у него зияла кровавая отметина, которая, судя по всему, стала следствием мощного удара.

Потом внимание Гаррет обратилось на молодого солдата. Ей показалось, что у того сломан нос, из которого обильно текла кровь.

– Что за черт? – пробормотала Гаррет. Улица была пустынна, но у нее вновь возникло то самое острое чувство, что здесь кто-то есть. Должен быть! Эти двое солдат явно не сами уложили себя на землю. – Выйди и покажись! – громко обратилась она к невидимке, хотя понимала, что выглядит глупо. – Нет нужды прятаться, как крыса за буфетом. Я знаю, что вот уже несколько недель ты ходишь за мной.

– Только по вторникам, – раздался мужской голос, и Гаррет чуть не подпрыгнула от неожиданности.

Она быстро огляделась, выхватывая взглядом мельчайшие детали, и, заметив какое-то движение возле одного из домов, решительно стиснула штык в руке.

Из прохладной темноты показался незнакомец. Высокий, широкоплечий, хорошо сложенный, он был одет в простую рубашку, серые брюки и расстегнутый жилет. На голове – плоская кепка с узким козырьком, какие носят портовые грузчики. Остановившись в нескольких

футах от нее, мужчина снял кепку, и стало видно, что у него черные, коротко подстриженные вьющиеся волосы. Узнав, кто перед ней, Гаррет слегка расслабилась и воскликнула:

– Опять вы!

– Доктор Гибсон. – Мужчина коротко поклонился, надел кепку и на какую-то пару секунд задержал кончики пальцев у козырька, явно подчеркивая этим жестом свое уважение к ней.

Это был Этан Рэнсом – детектив из Скотленд-Ярда. Гаррет уже пару раз сталкивалась с ним: первый, когда года два назад ей пришлось сопровождать леди Хелен Уинтерборн при посещении одного небезопасного района Лондона. К ее досаде, муж леди Хелен нанял тогда Рэнсома, чтобы тот отслеживал их передвижение. В прошлом месяце Гаррет вновь натолкнулась на детектива – тот приехал к ней в медицинскую клинику после того, как младшая сестра леди Хелен, Пандора, была ранена во время нападения на улице. Его присутствие было настолько незаметным и ненавязчивым, что никто, может быть, и не обратил бы на него внимания, если бы не бросавшаяся в глаза внешность. У Этана Рэнсома было вытянутое лицо, резко очерченный, решительный рот и прямой нос со слегка утолщенной переносицей, словно его когда-то ломали. Взгляд пронзительный, глаза, обрамленные густыми ресницами, глубоко посаженные под нависшими надбровными дугами. Гаррет не могла вспомнить, какого они цвета. Может, светло-карие?

Детектива можно было бы назвать красивым, если бы не внутренняя жесткость, которая никогда не сочеталась с изысканностью, свойственной джентльменам. Не важно, насколько тщательно была отполирована поверхность, она лишь прикрывала сущность человека, готового на самые крайние меры.

– Кто нанял вас, чтобы следить за мной на этот раз? – напрямик спросила Гаррет и эффектно покрутила тростью перед собой, после чего воткнула ее концом в землю в позиции «Полная готовность». Это, надо признаться, было небольшим представлением, но ее тянуло продемонстрировать свое искусство.

По лицу Рэнсома пробежало легкое изумление, но голос остался ровным:

– Никто.

– Тогда почему вы здесь?

– Вы единственная женщина-врач во всей Англии. Не хотелось бы, чтобы с вами что-нибудь случилось.

– Мне не нужна защита, – заверила его Гаррет. – Более того: если бы она мне даже и понадобилась, я не обратилась бы за ней к вам.

Бросив на нее непроницаемый взгляд, Рэнсом подошел к солдату, которого Гаррет отделила тростью. Тот без сознания лежал на боку. Перевернув его ногой лицом вниз, детектив достал из кармана жилетки веревку и связал мужчине руки за спиной.

– Как вы только что убедились, – продолжала Гаррет, – мне не составило труда наказать этого парня, а потом я смогла бы одолеть и двух других.

– Нет, не смогли бы, – спокойно заметил он.

Гаррет почувствовала, как закипает.

– Я училась биться на шестах у самого лучшего в Лондоне мастера по фехтованию. Я знаю, как уложить наземь нескольких противников одновременно.

– Вы допустили ошибку.

– Какую еще ошибку?

Рэнсом забрал у нее штык, убрал в кожаные ножны, повесил их себе на пояс, и только потом ответил:

– После того как вы выбили оружие у него из рук, нужно было отбросить штык подальше. Вместо этого вы наклонились за ним и при этом повернулись к остальным спиной. Они накинулись бы на вас, если бы я не вмешался. – Оценив состояние двух истекающих кровью солдат,

детектив обратился к ним: – Если вы оба только дернетесь, я оторву вам яйца и разбросаю их по Флит-стрит.

Сказано это было легкомысленным тоном, но серьезность намерений не вызывала сомнений. Солдаты застыли, а Рэнсом повернулся к Гаррет.

– Фехтовать на шестах в учебном классе и биться на улице не одно и то же. Мужчины, подобные этим... – Он коротко взглянул на солдат, лежавших на мостовой. – Такие не будут церемонно ждать, когда вы нанесете свой очередной выпад. Они действуют быстро и синхронно. Как только один из них добрался бы до вас, ваша трость стала бы бесполезной.

– Совсем нет, – энергично возразила она. – Сначала я ткнула бы его концом трости, а потом отправила бы на землю с одного крепкого удара.

Детектив отошел на расстоянии вытянутой руки и пристально оглядел ее с головы до ног. Гаррет полностью владела собой, однако почувствовала, как нервы моментально среагировали, посылая сигнал опасности. Она пока не понимала, как ей вести себя с Этаном Рэнсомом, который не был похож на обычного мужчину: его словно изначально создали как оружие – гибкий, крепкий, мускулистый, даже стоя на месте, он излучал взрывную силу.

– Попробуйте сделать это со мной, – мягко предложил Рэнсом, и их взгляды встретились. Гаррет захлопала глазами от удивления.

– Вы хотите, чтобы я ударила вас тростью? Сейчас?

Рэнсом коротко кивнул.

– Мне не хочется нанести вам увечье. – Она все еще колебалась.

– Вы и не... – начал он, и тут Гаррет удивила его неожиданным выпадом.

Однако детектив оказался так же проворен: ушел от удара, а затем ухватился за трость посередине и, резко дернув ее на себя, заставил Гаррет потерять равновесие. Она замерла, почувствовав, как одной рукой Рэнсом обхватил ее за талию, а другой отобрал трость, причем с такой легкостью, словно разоружать людей было для него детской забавой.

Задыхаясь от злости, Гаррет вдруг поняла, что тесно прижимается к мускулистому телу, состоявшему сплошь из крепких, словно вырезанных из дерева мышц, и испытала абсолютную беспомощность.

Возможно, виной всему был участвовавший пульс, потому что ею вдруг овладело незнакомое ощущение – мягкий покой, который развеял все ее мысли и лишил осознания того, что происходило вокруг. Мир исчез, был только этот мужчина у нее за спиной, чьи грубые руки обнимали ее. Она закрыла глаза, воспринимая лишь слабый цитрусовый аромат его дыхания, то, как вздымается его грудь, а еще неистовый стук своего сердца.

Детектив тихо хмыкнул, и очарование тут же исчезло. Пытаясь вырваться из крепких объятий, Гаррет с жаром произнесла:

– Не смейтесь надо мной!

Рэнсом, убедившись, что она твердо стоит на ногах, осторожно отпустил ее, а потом подал трость.

– Я и не собирался. Мне просто понравилось, как вы застали меня врасплох. – Он поднял руки вверх, показывая, что сдается. В глазах его плясали черти.

Щеки Гаррет были красны как маки. Ее не оставляло чувство, что их объятие до сих пор не разомкнулось. Это ощущение словно отпечаталось на коже.

Рэнсом достал из кармана жилета маленький серебряный свисток и три раза пронзительно свистнул.

Гаррет решила, что он вызывает дежурного констебля, и поинтересовалась:

– Вы не пользуетесь полицейской трещоткой?

Ее отец, который когда-то патрулировал район Кингс-Кросс, всегда носил с собой официально разрешенную деревянную трещотку. Чтобы поднять тревогу, следовало взяться за ручку

и раскручивать трещотку до тех пор, пока деревянные пластины в ней не начинали издавать громкие звуки, похожие на хлопки.

Рэнсом покачал головой.

– Трещотка вещь громоздкая. Кроме того, мне пришлось сдать ее, когда я ушел из полиции.

– Так вы больше не служите в столичной полиции? – заинтересовалась она. – Тогда на кого вы работаете?

– Официально я не работаю.

– Однако вы делаете какую-то работу для правительства?

– Да.

– В качестве детектива?

Рэнсом замялся, а потом после долгой паузы произнес:

– Иногда.

Гаррет прищурилась: ей стало интересно, что это за работа такая, которой не может заниматься регулярная полиция.

– Ваша деятельность законна?

В густеющей темноте сверкнула его усмешка.

– Не всегда, – признался он.

По улице к ним спешил констебль в синей униформе. В руке он держал фонарь с большим выпуклым отражателем, который называли «бычий глаз».

Это был внушительного вида мужчина с коротким носом и красным, покрытым бисеринками пота лицом.

– Констебль Хаббл к вашим услугам. Это вы подняли тревогу? – спросил страж порядка, внимательно разглядывая Рэнсома из-под козырька шлема.

– Я, – ответил тот.

– Ваше имя?

– Этан Рэнсом, бывший полицейский. Когда-то я служил в дивизионе К¹.

Глаза констебля округлились.

– Я слышал о вас, сэр. Добрый вечер. – Его тон моментально изменился, в осанке появилась почтительность, а наклон головы стал ниже на пару дюймов.

Рэнсом указал на поверженных солдат.

– Эти трое набросились на леди и угрожали вот этим. – Он передал констеблю штык в ножнах. – Пришлось вмешаться.

– О господи! – воскликнул Хаббл, с отвращением оглядев мужчин, распластавшихся на мостовой. – И солдаты туда же, стыдоба! А как леди, не пострадала?

– Нет, – покачал головой Рэнсом. – У доктора Гибсон хватило самообладания отобрать у одного из грабителей этот штык, а затем сбить его с ног.

– Доктор? – Констебль смотрел на Гаррет с нескрываемым удивлением. – Вы доктор, леди? Та самая – из газет?

Гаррет кивнула, мигом подобравшись: мало кто реагировал положительно на то, что женщина может освоить профессию врача.

Констебль продолжал откровенно рассматривать ее, удивленно покачивая головой.

– Поразительно, что она так молода! – сказал он Рэнсому, а потом вновь обратился к Гаррет: – Простите, мисс... Но почему вы пошли в доктора? Ведь лицо у вас не лошадиное. Почему? Я знаю по крайней мере двух парней в моем отделении, которые охотно женились бы на вас. – Он помолчал. – В смысле, если вы умеете хоть немного готовить, шить, штопать...

---

¹ В XIX в. Лондонский полицейский округ был разделен на двадцать два дивизиона, обозначаемых буквами английского алфавита. – *Примеч. ред.*

Гаррет вдруг разозлила улыбка, которую изо всех сил старался скрыть Рэнсом.

– Боюсь, что шить я умею только раны, а чинить – сломанные конечности.

Один из солдат приподнялся на локтях и насмешливо прохрипел:

– Женщина-доктор? Во дела! Готов поспорить, у нее член под юбкой.

Рэнсом прищурился, от его веселости не осталось и следа, и сделал шаг к солдату.

– Тебе мало? Хочешь получить сапогом в морду?

– Мистер Рэнсом, – резко остановила его Гаррет, – это не по-спортивному – бить лежа-
чего.

Детектив бросил в сторону солдата недобрый взгляд.

– Учитывая, что он намеревался сделать с вами, пусть радуется, что может еще дышать.

Гаррет показалось любопытным, что в его последних словах вдруг появился легкий ирландский акцент.

– Добрый вечер всем. Я услышал свисток. – К ним подошел еще один констебль, и пока Рэнсом объяснялся со стражами порядка, Гаррет склонилась над своим саквояжем.

– На рану на щеке солдата требуется наложить шов, – пояснила она констеблю Хабблу.

– Не подходи ко мне, дьяволица! – завопил солдат.

Констебль посмотрел на него в упор.

– Заткни пасть, не то я проделаю дыру в другой щеке!

Вспомнив, что скальпель выпал у нее из рук во время драки, Гаррет обратилась к Хабблу:

– Констебль, не могли бы вы поднять фонарь повыше, чтобы осветить мостовую? Нужно найти скальпель, который я метнула вот в этого... – Внезапно ею овладела тревожная мысль. – А может, он застрял в ране?

– Нет, не застрял, – успокоил ее Рэнсом, на секунду прервав разговор с другим констеблем. – Он у меня.

И как только ему удастся, находясь в нескольких ярдах, прислушиваться к тому, о чем она говорит, и в то же время вести беседу?

– Вы подняли скальпель во время драки с ним? – возмутилась она. – Но совсем недавно вы говорили, что так делать нельзя.

– Я не следуя правилам, – просто ответил Рэнсом.

Гаррет поразила такому неприкрытому высокомерию и, насупившись, потянула констебля Хаббла в сторону, а потом шепотом спросила:

– Что вы знаете об этом человеке? Кто он?

– Вы о мистере Рэнсоне? – Констебль тоже понизил голос. – Он вырос здесь, в Клеркенуэлле. Знает каждый дюйм в городе, это его территория. Несколько лет назад подал заявление о приеме в полицию, и его взяли в дивизион К. Настоящий уличный боец! Бесстрашный! Он добровольно вызывался патрулировать трущобы, куда боялись соваться другие полицейские. Рассказывали, что его сразу привлекли к расследованиям. У него острый ум и умение замечать необычные детали. После ночных схваток на улицах он мог вернуться в офис управления, чтобы засесть за нераскрытые дела. Рэнсом раскрыл, например, убийство, которое несколько лет оставалось настоящей головной болью для старших детективов, потом восстановил доброе имя одного слуги, несправедливо обвиненного в воровстве драгоценностей, а еще вернул похищенную картину.

– Другими словами, – пробормотала Гаррет, – он превышал свои полномочия.

Хаббл кивнул.

– Начальник управления должен был наказать его за должностное преступление, но вместо этого предложил повысить Рэнсома с констебля четвертого класса до инспектора.

Глаза Гаррет округлились.

– Вы хотите сказать, что мистер Рэнсом продвинулся сразу на пять ступенек вверх по служебной лестнице за первый же год работы?

– Нет, за полгода! Но незадолго до объявления о новом назначении Рэнсом ушел из полиции. Его забрал к себе сэр Джаспер Дженкин.

– А это кто?

– Высокопоставленный деятель из министерства внутренних дел. – Хаббл замолчал и с беспокойством посмотрел на нее. – Это все, что мне известно.

Гаррет посмотрела на Рэнсома: в неярком свете фонарей были видны очертания его широкоплечей фигуры. Он стоял немного расслабленно, беспечно засунув руки в карманы, но из его поля зрения ничего не выпадало, даже стремительное бегство крысы в дальнем конце улицы.

– Мистер Рэнсом, – окликнула его Гаррет.

Прервав разговор с констеблем, он повернулся к ней:

– Да, доктор?

– Нужно ли мне оставить какое-нибудь заявление по поводу событий этого вечера?

– Нет. – Его взгляд переместился на Хаббла. – Для всех будет лучше, если мы сохраним ваше инкогнито – мое, кстати, тоже – и дадим возможность констеблю Хабблу арестовать этих людей.

Хаббл запротестовал:

– Сэр, я не могу пользоваться результатами вашей храбрости.

– Тут присутствовала толика и моей храбрости. – Гаррет не удержалась и добавила в голос яда. – Я разделалась с тем, у кого был штык.

Рэнсом подошел к ней и понизил голос:

– Пусть констебль получит эту возможность. Ему вынесут официальную благодарность и заплатят премиальные. Жить на зарплату констебля – дело не из легких.

Гаррет, прекрасно зная о невысокой зарплате полицейских, смущенно пробормотала:

– Ну, разумеется.

Детектив едва заметно улыбнулся.

– Тогда пускай констебли закончат это дело, а я пока провожу вас до главной улицы.

– Благодарю, но я не нуждаюсь в эскорте.

– Как пожелаете, – с готовностью откликнулся Рэнсом, словно и не сомневался в ее отказе.

Гаррет подняла на него подозрительный взгляд.

– Вы ведь все равно пойдете за мной следом? Как лев за отбившейся от стада козой.

Его глаза осветились улыбкой, словно один из констеблей подошел к ним с фонарем и случайный луч света застрял у детектива в длинных изогнутых ресницах, заставив вспыхнуть зыбкой синевой глубину его черных зрачков.

– Тогда я предпочту, чтобы вы шли рядом. – Она протянула руку. – Мой скальпель, пожалуйста.

Рэнсом вытащил из-за голенища сапога маленький, чисто вытертый инструмент и, с восхищением разглядывая лезвие вытянутой формы, произнес:

– Прекрасная вещь! Острый как сам дьявол. Вы точите его с маслом?

– С алмазной пастой. – Убрав скальпель, Гаррет подняла с земли саквояж, а в другую руку взяла трость.

– Позвольте мне, – проворчал Рэнсом, пытаясь забрать у нее тяжелую сумку.

– Я сама могу нести ее, – возразила Гаррет, еще крепче вцепившись в кожаные ручки.

– Не сомневаюсь. Я предлагаю это в знак уважения к даме, а не потому, что сомневаюсь в ваших возможностях.

– Интересно, вы сделали бы такое предложение доктору-мужчине?

– Нет, конечно.

– Я предпочла бы, чтобы вы относились ко мне как к доктору, а не как к леди.

– Почему нужно отделять одно от другого? – совершенно естественно удивился Рэнсом. – Для меня не составляет труда помочь нести сумку даме и одновременно уважать ее за профессиональные знания.

С этим было трудно спорить, но что-то в его взгляде нервировало Гаррет. И пока она стояла в нерешительности, Рэнсом протянул к ней руку и сказал тихо, но настойчиво:

– Пожалуйста.

– Благодарю, но я сама, – отказалась она и двинулась вперед, в сторону оживленной улицы.

Рэнсом пошел за ней, отстав на шаг и засунув руки в карманы.

– Где вы научились так метать ножи?

– В Сорбонне. Несколько студентов-медиков образовали группу и развлекались этим после занятий, исключительно чтобы поразить друг друга. Они соорудили мишень за лабораторным корпусом. – Гаррет помолчала, а потом призналась: – У меня никогда не получалось метать нож с ладони вверх.

– Сколько вы пробыли во Франции?

– Четыре с половиной года.

– Молоденькая девушка посещает лучшую в мире медицинскую школу, – задумчиво произнес Рэнсом. – Далеко от дома, с преподаванием на чужом языке. Вы отважная женщина, доктор.

– У нас ведь женщин не принимали в медицинские школы, – рассудительно заметила Гаррет. – У меня не было выбора.

– Можно было бы сдатьсь.

– Такой вариант не рассматривался, – возразила она, и Рэнсом улыбнулся.

Они миновали мрачное здание, разбитые витрины которого были заклеены бумагой. Рэнсом потянулся к Гаррет, чтобы помочь ей обойти груды мусора, и она рефлекторно съежилась от легкого касания его руки.

– Вы можете не бояться моих прикосновений, – сказал Рэнсом. – Я лишь хочу помочь вам добраться до дома.

– Это не страх, – робко заметила Гаррет, поколебавшись с признанием. – Мне кажется, что стремление к независимости глубоко въелось в мою кожу.

Они двинулись дальше по тротуару, но прежде Гаррет перехватила его короткий выразительный взгляд, брошенный на докторский саквояж, и хмыкнула:

– Я позволю вам понести сумку, если вы заговорите со мной на своем родном языке.

Рэнсом резко остановился и с удивлением взглянул на нее так, что между темными бровями обозначилась морщина.

– Где я прокололся?

– Я уловила отголоски ирландского акцента, когда вы стали угрожать одному из солдат. А еще то, как вы прикасаетесь к головному убору... У вас это получается медленнее, чем у англичан.

– Мои родители были ирландцами, а вырос я здесь, в Клеркенуэлле, – буднично произнес Рэнсом. – Я этого не стыжусь. Но иногда акцент мешает. – Когда он заговорил на ирландском наречии, голос его изменился, зазвучал гортанно и еще более низко, лицо осветила улыбка. Детектива как будто подогрел изнутри медленный огонь. – А теперь, возлюбленная моя, что ты мне поведаешь?

Захваченная врасплох произведенным эффектом, который пронзил ее до глубины души, Гаррет не знала, что сказать, и, наконец, выдавила:

– Вы излишне фамильярны, мистер Рэнсом.

Его улыбка стала еще шире.

– Это плата за то, что вам захотелось услышать ирландское наречие. Придется смириться.

– «Возлюбленная»? – В полном замешательстве, Гаррет двинулась дальше.

– Воспринимайте это как комплимент вашему обаянию и красоте.

– Полагаю, это называется лестью, – твердо заявила она. – И, пожалуйста, избавьте меня от нее.

– Вы такая умная и волнующая женщина, – продолжил он, словно и не слышал ее. – И на всякий случай: я имею слабость к зеленым глазам.

– У меня трость в руке, – напомнила Гаррет, возмущенная донельзя.

– Вы мне ничего не сделаете.

– Может, и нет, – согласилась она, стиснув рукоять, а в следующий момент взмахнула своим оружием и обрушила на Рэнсома горизонтальный удар, не слишком сильный, чтобы не нанести серьезного увечья, но достаточный, чтобы преподать чувствительный урок.

Однако вместо этого, к негодованию Гаррет, она сама получила урок. Выпад был умело блокирован ее же собственным саквояжем, и опять она лишилась трости, а сумка грохнулась на землю, зазвенев содержимым. Не успев сообразить, что к чему, Гаррет снова оказалась в захвате Рэнсома, который прижимал трость к ее горлу.

– Вы заранее оповещаете, что намерены предпринять, дорогуша, – раздался у нее над ухом притягательный, теплый, словно виски, голос. – Это дурная привычка.

– Отпустите! – выдохнула она, извиваясь в бесплодной ярости.

Рэнсом не ослабил хватку.

– Поверните голову.

– Что?

– Поверните голову, чтобы ослабить давление на горло, и схватитесь за трость правой рукой.

Гаррет замерла, а потом до нее дошло, что он объясняет ей, как освободиться от захвата, и подчинилась.

– Используйте захват с внутренней стороны, чтобы уберечь горло. – Рэнсом дождался, пока она выполнит команду. – Да, именно так. Теперь рваните конец трости вниз и одновременно ударьте меня левым локтем в ребра. Слегка, если не возражаете. – Она выполнила команду, и Рэнсом согнулся пополам. – Отлично! Теперь схватитесь за трость двумя руками. Шире захват! Развернитесь вокруг нее и одновременно нырните под мою руку.

Гаррет последовала инструкциям, и о чудо! – оказалась на свободе! Повернувшись к детективу и во все глаза глядя на него, она не могла решить, поблагодарить его или треснуть по башке.

Мягко улыбаясь, Рэнсом поднял саквояж и предложил ей руку, как будто они степенная парочка, направлявшаяся на прогулку в Гайд-парк, но Гаррет, проигнорировав его жест, двинулась вперед.

– Самый распространенный способ нападения на женщин – это когда хватают за горло и душат спереди, – сказал он. – На втором месте нападение со спины с захватом горла. И третий способ, когда женщину хватают сзади и уносят куда-нибудь. Разве ваш учитель по боевым искусствам не показал, как нужно защищать себя без трости?

– Нет, – была вынуждена признать Гаррет. – Он не учил рукопашной борьбе.

– Почему Уинтерборн не предоставил вам кучера и экипаж для поездок в город? Он ведь далеко не бедный и обычно заботится о своем персонале.

При упоминании Уинтерборна, владельца клиники, в которой она практиковала, Гаррет нахмурилась. Риз Уинтерборн учредил клинику для служащих своей торговой империи – а их не меньше тысячи, и принял ее на работу, хотя никто не желал дать ей шанса, и тем самым заслужил ее вечную преданность и благодарность.

– Мистер Уинтерборн предлагал воспользоваться его личным экипажем, – пояснила Гаррет, – но мне не хочется лишний раз возлагать на него свои заботы. Кроме того, я владею приемами самообороны.

– Вы чересчур самонадеянны, доктор. Вы знаете ровно столько, чтобы представлять опасность для самой себя. Существуют приемы, которые помогут вам избежать нападения. Если хотите, как-нибудь могу показать их вам.

Они свернули за угол и вышли на главную улицу, где в подворотнях и закоулках было полно бродяг в лохмотьях, а мимо них по тротуарам шагали разодетые прохожие. Лошади, коляски и кареты двигались в обоих направлениях по брусчатке трамвайных путей, уложенных на мостовой. Гаррет остановилась у бордюра в ожидании свободного кеба и принялась обдумывать слова Рэнсома.

Было совершенно очевидно, что этот человек знает об уличных драках гораздо больше, чем ее учитель по фехтованию на шестах. То, как он выполнил прием с ее тростью, произвело на нее сильное впечатление. И хотя Гаррет так и подмывало послать его к дьяволу, она все-таки была весьма заинтригована.

Несмотря на все эти глупости с «возлюбленной моей», Гаррет не сомневалась, что у детектива не было к ней никаких романтических намерений, и это ее устраивало: ей не нужны никакие привязанности, которые могли бы помешать карьере. О, время от времени в ее жизни случались небольшие приключения: поцелуй украдкой с симпатичным студентом еще в Сорбонне или невинный флирт с джентльменом во время танца, – но она решительно избегала любого, кто мог бы превратиться в реальное искушение. А любое общение с этим дерзким детективом наверняка выльется в проблему! И все же Гаррет очень хотелось научиться приемам уличной борьбы.

– Если я соглашусь на ваши уроки, вы пообещаете мне, что больше не будете ходить следом за мной по вторникам?

– Да.

Слишком уж легко он согласился, и Гаррет с сомнением посмотрела на него.

– Вам можно доверять, мистер Рэнсом?

– С моей-то работой? – Он тихо засмеялся и, увидев приближавшийся кеб, замахал рукой. – Клянусь могилой моей матери, я не представляю для вас опасности.

Когда экипаж с грохотом и скрежетом остановился, Гаррет внезапно приняла решение:

– Хорошо. Ждите меня завтра в четыре часа возле фехтовального клуба Бужара.

Глаза Рэнсома засветились от удовольствия.

Гаррет поднялась на подножку двухколесного экипажа, с легкостью пригнулась под нависшими сверху поводьями и взобралась на пассажирское сиденье.

Передав ей докторский саквояж, Рэнсом вскочил на подножку и, опережая возражения Гаррет, сунул кучеру несколько монет:

– Будь любезен, не растрясси леди по дороге.

– Я сама могу заплатить, – запротестовала Гаррет.

Рэнсом бросил на нее прямой взгляд, что-то вложил ей в ладонь и, прежде чем спрыгнуть на землю, пробормотал:

– Подарок. До завтра, доктор.

Коснувшись козырька кепки, он не торопился отнимать пальцы, по своему обычаю, а дождался, пока кеб отъедет.

Чувствуя, как у нее слегка кружится голова, Гаррет посмотрела на вещицу, которую он сунул ей в руку. Серебряный свисток, все еще хранивший тепло его тела.

«Какая наглость!» – подумала она, но пальцы сами сомкнулись вокруг свистка.

Глава 2

Перед тем как вернуться в свою квартиру на Хаф-Мун-стрит, Этан должен был завершить еще одно дело, и поэтому взял кеб до Корк-стрит, которая практически целиком была занята зданием универсального магазина Уинтерборна.

Два года назад Этан выполнял частную работу для владельца универмага Риза Уинтерборна. Дело было нетрудным, не требовало много усилий, да и не стоило затраченного времени, но только глупец отказался бы от предложения такого влиятельного человека. Рэнсом должен был следовать тенью за тогдашней невестой Уинтерборна – леди Хелен Рейвенел, когда она вместе со своей подругой посещала сиротский приют в опасном районе возле доков.

Именно тогда Этан в первый раз увидел доктора Гаррет Гибсон.

Стройная женщина с каштановыми волосами точными ударами трости уложила на землю нападавшего, который был раза в два больше ее, причем сделала это так, словно выполняла неприятную, но необходимую работу: например, опорожняла ведро в телегу сборщика мусора.

Лицо у нее оказалось неожиданно юным, кожа – ослепительно чистой и гладкой, как новый кусочек белого мыла, высокие скулы, спокойные зеленые глаза и слегка острый подбородок. Но помимо элегантно угловатых черт лица у нее еще были нежные, пухлые и незащищенные губы такой очаровательной формы, что у Этана каждый раз, когда он их видел, начинали слабеть колени.

После первого знакомства Этан позаботился о том, чтобы больше не встречаться с Гаррет Гибсон, понимая, что эта женщина принесет ему большие осложнения: возможно, даже большие, чем он ей, – но в прошлом месяце он заходил в медицинскую клинику, где она работала, чтобы получить кое-какую информацию об одном из пациентов, и его чувства вспыхнули вновь.

Все в Гаррет Гибсон было... восхитительным! Взгляд, проникающий до самого сердца, голос четкий и звонкий, как сахарная глазурь поверх лимонного кекса. Сострадание, которое влекло ее лечить бедняг, не заслуживших своей участи, а также и тех, кто ее заслужил. Целеустремленная походка, неослабевающая энергия, удовлетворенность женщины, которая не скрывала, но и не выпячивала свой ум. Она вся была солнце и сталь – такое сочетание ему не встречалось раньше.

Он уже поклялся себе, что ему от нее ничего не нужно. Все, что он намеревался предпринять, это соблюсти безопасность Гаррет Гибсон во время ее посещений рабочего дома в Клерккенуэлле, или сиротского приюта в Бишопсгейте, или куда еще она там выберется по вторникам. Такую малость он мог себе позволить.

Договориться о встрече с ней было ошибкой. Этан до сих пор не мог понять, как так получилось: слова, которые сорвались у него с губ, словно произнес кто-то другой, – но коли уж сделал предложение, сдать назад было невозможно, а еще ему вдруг страшно захотелось, чтобы она согласилась.

Один час в обществе Гаррет Гибсон, и больше он никогда не приблизится к ней, а воспоминание об их встрече сохранит до конца своих дней.

Универмаг «Уинтерборнс» представлял собой непрерывный ряд огромных, облицованных мрамором зданий с хрустальными витринами вдоль фасадов. Знаменитая центральная ротонда из витражного стекла возвышалась над четырьмя этажами аркад, разделенных колоннами. Магазин походил на дворцовый комплекс, выстроенный амбициозным человеком, который хотел, чтобы весь мир узнал, чего мог добиться в жизни сын простого бакалейщика из Уэльса.

Этан свернул за универмаг, где располагались конюшни, товарные дворы и склады. Личный дом Уинтерборна находился в дальнем конце улицы и соединялся с магазином отдель-

ными переходами с лестничными колодцами. Этан всегда заходил в дом с тыла, через двери, которыми пользовался обслуживающий персонал.

Его впустил лакей.

– Мистер Рэнсом, сюда, пожалуйста.

Этан снял кепку и двинулся за ним. Так они дошли до центральной лестницы, соединявшей пять этажей дома. Коридоры освещали хрустальные канделябры, на стенах висели картины с горными пейзажами, морскими видами и пронизанными солнцем пасторальными сценками. Длинный приставной стол у стены был заставлен голубыми и белыми фарфоровыми вазами с папоротниками и вьющимися побегами орхидей.

Когда они проходили мимо трех пальм в кадках, Этан обратил внимание на несколько комочков грязи на полу рядом с одной из них. Задержавшись, он заглянул под длинные острые листья и увидел там вырезанные из дерева фигурки животных: похоже из библейского Ноева ковчега, – которые стояли возле маленького домика, склеенного из пустых коробков из-под спичек. Все походило на детский секретик. Улыбнувшись уголками рта, Этан сообразил, что, должно быть, это дело рук младшей сводной сестры леди Хелен примерно пяти лет от роду, которая воспитывалась в их семье. Заметив, что фигурка слона завалилась набок, он поставил ее и услышал:

– Сэр?

Это лакей остановился и нахмурился, не оценив необычный интерес визитера к домашнему растению.

Этан выпрямился и пожал плечами.

– Просто обожаю пальмы.

Затем быстрым движением кепки смел в сторону от кадки предательские комочки земли и пошел вслед за лакеем.

Они проследовали в мужскую гостиную, где Этан уже встречался с Уинтерборном раньше. Здесь в воздухе витали ароматы пропитанной маслом кожи, сигарного табака, дорогих напитков и сухой душок бильярдного мела.

Ступив в гостиную, Этан резко остановился в дверях.

Уинтерборн стоял возле огромного глобуса, заключенного в подставку из орехового дерева, и лениво крутил его, в то время как его гость перебирал бильярдные шары на полке, висевшей на стене. Мужчины тихо пересмеивались, как давние друзья.

Заметив детектива, Уинтерборн легко отозвался:

– Проходите, Рэнсом.

Однако Этан не двинулся с места. У него появилось неприятное чувство, что им манипулируют. Уинтерборн, мерзавец, намекал, что будет один.

При своих шести футах Этан был совсем не маленького роста, но хозяин дома возвышался над ним по меньшей мере на четыре фута. Уинтерборн был массивного, мощного сложения, с тяжелыми плечами, толстой шеей чемпиона по борьбе и с огромными кулаками. Такого пробить непросто. Инстинктивно и по привычке Этан просчитывал самый эффективный набор средств, чтобы вырубить его. «Показать обманный удар в бок... схватить за плечи пиджака... несколько ударов левой в солнечное сплетение, потом под ребра... закончить ударом колена в живот...»

– Этан Рэнсом, позвольте мне познакомить вас с мистером Уэстоном Рейвенелом. – Уинтерборн сделал жест в сторону гостя. – Это один из родственников моей жены. Он попросил меня организовать ему встречу с вами.

Этан бросил взгляд в сторону незнакомца – возраст сильно за двадцать, темно-каштановые волосы, безупречная внешность, спокойная улыбка. Худощавый, подтянутый. Отлично сшитый костюм. Любопытно, что лицо было загорелым, а руки огрубели от работы, как у человека, который занимается физическим трудом.

В лондонском обществе имя Рейвенел вызывало ассоциацию с аристократическими привилегиями и влиянием, но Рейвенелы никогда не пользовались уважением, как, например, Кавендиши или Гросвеноры. Они были чересчур вспыльчивы, невоздержанны и безрассудны во всем, за что брались. Линия Рейвенелов чуть не пресеклась со смертью последнего графа, но семья умудрилась найти дальнего кузена, чтобы передать тому титул.

– Простите мою хитрость, – с улыбкой сказал Уэстон Рейвенел, выходя вперед. – Есть небольшое дело, которое я хотел бы обсудить с вами, но другой возможности выйти на вас у меня не было.

– Мне это не интересно, – холодно отозвался Этан и развернулся, намереваясь уйти.

– Подождите! Выслушать меня в ваших интересах. Я заплачу за потраченное время, если необходимо: надеюсь, вы не слишком дорого берете!

– Он дорого берет, – заверил его Уинтерборн.

– Я полагаю, что мне нужно... – начал Рейвенел, но осекся, когда подошел ближе и заглянул Этану в глаза. – О черт!

Рэнсом сделал осторожный вдох и медленно выдохнул. Уставившись в стену, он оценивал ситуацию. Сейчас уклоняться от разговора с этим мерзавцем не имело смысла, к тому же не мешало выяснить, что ему нужно.

– У вас десять минут, – отрывисто произнес Рэнсом.

– А двадцать? – спросил Рейвенел. – Тем более если хозяин откроет бутылку хорошего коньяка? – Он посмотрел на Уинтерборна. – Под «хорошим» я подразумеваю «Готье» шестьдесят четвертого года.

– Ты представляешь, сколько он стоит? – спросил уэльсец, едва сдерживаясь.

– Я только что примчался из Гэмпшира. Как часто тебе выпадает удовольствие пообщаться со мной?

– Вот уж не назвал бы это удовольствием, – прорычал Уинтерборн, но отошел, чтобы звонком вызвать слугу.

С усмешкой посмотрев ему вслед, Рейвенел снова повернулся к Этану и указал на глубокие кожаные кресла.

– Присядем?

С каменным лицом Этан занял одно из них и нарочито пристально стал разглядывать часы розового дерева, отделанные бронзой на каминной полке.

Повисла пауза.

– Считаете минуты, да? – спросил Рейвенел. – Хорошо! Прямоком перейду к делу, насколько это возможно. Три года назад мой старший брат совершенно неожиданно унаследовал графство. Так как он ничего не знал о том, как управлять поместьем или – помощи Господи! – сельскохозяйственными работами, я согласился переехать в Гэмпшир, чтобы помочь ему вести дела.

Раздался стук в дверь, и в гостиной появился дворецкий, который внес серебряный поднос с графином коньяка и яйцеобразными бокалами. С соответствующими церемониями коньяк был разлит, и когда дворецкий ушел, Уинтерборн уселся на подлокотник кресла. В одной руке он держал бокал с коньяком, другой лениво поворачивал глобус, словно размышляя над тем, какую очередную часть мира ему хочется подмять под себя.

– Зачем вам потребовалось вот так менять свою жизнь? – Этан не мог не задать такой вопрос. Это была его идея – бросить Лондон ради тихого существования где-нибудь в сельской глуши. – От чего вам хотелось убежать?

Рейвенел улыбнулся.

– От самого себя, возможно. Даже жизнь, полная невоздержанности, может наскучить. И я вдруг обнаружил, что меня устраивает заниматься сельским трудом в поместье. Арендаторы считались со мной, коровы меня веселили.

У Рэнстома не было желания шутить и смеяться. Уэстон Рейвенел напомнил ему о вещах, о которых Этан пытался не думать в течение большей части из своих двадцати восьми лет. Приподнятое настроение после встречи с Гаррет Гибсон стало потихоньку улетучиваться, оставляя после себя раздражение и досаду. Сделав глоток отменного коньяка и едва ли ощутив его вкус, он отрывисто произнес:

– Вы проговорили восемнадцать минут.

Рейвенел вскинул брови.

– В любом случае, мой словоохотливый собеседник, я добрался до сути. Причина, по которой я сейчас нахожусь здесь, заключается в том, что мы с братом решили продать кое-какую семейную недвижимость в Норфолке. Это большой дом в хорошем состоянии плюс примерно две тысячи акров земли к нему. Однако совсем недавно я обнаружил, что мы ничего не можем с ним сделать. Из-за вас.

Этан вопросительно уставился на него.

– Вчера, – продолжал Рейвенел, – я встретился с бывшим управляющим поместьем Тотхиллом и семейным стряпчим Фоггом, и они объяснили, что продажа недвижимости в Норфолке невозможна из-за того, что Эдмунд – это старый граф – передал его какому-то лицу посредством тайной доверенности.

– Что это такое? – осторожно поинтересовался Этан, никогда не слышавший о подобном юридическом инструменте.

– Заявление, обычно в устной форме, касающееся передачи в наследство недвижимости или денег. – Рейвенел приподнял брови, шутливо изображая веселость. – Естественно, нам всем стало любопытно, с какой стати граф сделал такой щедрый подарок человеку, о котором мы знать не знали. – После долгой паузы он заговорил более серьезным тоном: – Если вы не против поговорить об этом со мной, я думаю, мне известно, почему...

– Нет, – с каменным выражением лица отрезал Этан. – Если завещание не положено на бумагу, наплюйте на него.

– Боюсь, это так не работает. В соответствии с английским правом, завещание на словах абсолютно действительно. Игнорировать его противозаконно. Существуют три свидетеля этого завещания: Тотхилл, Фогг и камердинер графа Куинси, прослуживший у него много лет, которые подтвердят эту историю. – Рейвенел поболтал остатки коньяка в бокале, а когда взглянул на Этана, наткнулся на прямой взгляд. – После смерти графа Тотхилл и Фогг пытались известить вас о завещании, но так и не смогли нигде вас отыскать. Сейчас мне выпал случай объявить счастливую весть. Поздравляю! Теперь вы являетесь полноправным владельцем норфолкского поместья.

С величайшей осторожностью Этан опустил свой бокал на столик.

– Мне оно не нужно. – Все приемы эмоционального контроля, которые были ему известны: например, задержка дыхания или намеренное перескакивание с одной мысли на другую, – не помогли. Рэнсом в смятении почувствовал, как пот начал заливать лицо, поднялся и направился к двери.

Рейвенел шел за ним по пятам.

– О черт, подождите! – раздался его возмущенный голос. – Если мы не закончим этот разговор сейчас, я не знаю, как потом сумею найти вас.

Этан остановился, глядя в сторону.

– Хотите вы или нет получить эту собственность, – продолжил Рейвенел, – вам придется забрать ее. Даже в случае, когда Рейвенелы не могут ничего предпринять с этой проклятой недвижимостью, мы ежегодно платим за нее налог.

Сунув руку в карман брюк, Этан вытащил пачку фунтов, швырнул ее к ногам Рейвенела и отрывисто проговорил:

– Сообщите мне, если я еще что-то должен.

К чести Рейвенела, даже если этот жест и привел его в замешательство, он не подал вида, а повернувшись к Уинтерборну, заметил самым обычным тоном:

– Еще никто и никогда не забрасывал меня наличностью. Должен сказать, это моментально вызывает чувство огромной признательности. – Не глядя на банкноты, разбросанные у его ног, он подошел к бильярдному столу и, скрестив руки на груди, окинул Этана оценивающим взглядом. – Вы явно не испытывали теплых чувств к Эдмунду Рейвенелу. Могу я спросить почему?

– Он сделал больно человеку, который был мне дорог. Я не хочу оскорблять память о ней, приняв хоть что-то от Рейвенела.

Хрупкое напряжение, висевшее в воздухе, казалось, начало ослабевать. Рейвенел расцепил руки и помассировал шею, в уголках его губ обозначилась грустная улыбка.

– Теперь мы говорим вполне искренне, да? Тогда я прошу прощения за то, что вел себя как беспечный идиот.

Если бы этот человек не принадлежал к семейству Рейвенелов, то мог бы даже понравиться Этану.

Уинтерборн пересек гостиную, подошел к буфету, на котором дворецкий оставил серебряный поднос, и, долив себе коньяку из графина, заметил:

– Рэнсом, вам все-таки нужно подумать над тем, чтобы продать ему собственность.

Это был прекрасный вариант. Этан избавился бы от ненужной ему земли и отрубил все связи с семейкой Рейвенелов.

– Хорошо, я продам ее вам... за один фунт. Подготовьте бумаги, и я их подпишу.

Рейвенел нахмурился.

– Почему за фунт? Я дам вам разумную цену.

Мрачно глянув на него в ответ, Этан отошел к окну. Перед его глазами раскинулась широкая мозаика закопченных пузырчатых крыш. Лондон готовился к наступающей ночи, обожая себя за блистающие гирлянды фонарей и изнывая в предвкушении объятий греха и наслаждения.

Этан родился и вырос здесь. Лондонские жестокие ритмы вошли в него и стали его неотъемлемой частью. Его кровь несла в себе звуки и эмоции города. Он мог отправиться куда угодно: в самые грязные притоны и в логово самых опасных преступников, – не испытывая никакого страха.

– Я пробуду в Лондоне весь следующий месяц, – сообщил Рейвенел. – До того как отправиться назад в Гэмпшир, у меня будет к вам предложение насчет продажи недвижимости в Норфолке. Я буду счастлив забрать ее из ваших рук. – Из кармана жилета он достал визитную карточку. – Давайте обменяемся координатами. Я навещу вас, как только у меня появятся конкретные цифры.

– Уинтерборн объяснит вам, как мне сообщить, – сказал Этан. – У меня нет визиток.

– Ну естественно, – мрачно отозвался Рейвенел, по-прежнему протягивая карточку. – Возьмите хотя бы мою. – Видя, что Этан по-прежнему молчит отказываясь, он воскликнул: – Господи боже! Вы всегда такой? Какой же вы нудный! И это говорит вам человек, который большую часть своего времени возится с животными. Цивилизованные люди всегда обмениваются визитками после знакомства. Возьмите ее!

Рэнсом нехотя засунул карточку в сложенный пополам бумажник, который держал во внутреннем кармане жилета.

– Не провожайте, дорогу найду сам.

Затем забрал со стола свою кепку, натянул на голову и слегка коснулся козырька. Это был жест уважения, его версия прощания. Ему, как всякому ирландцу, не нравилось тратить много слов.

Глава 3

Выйдя из раздевалки для дам в клубе Бужара, где переделалась в стандартную женскую форму: приталенный жакет с высоким воротом, белую юбку чуть ниже колен, плотные белые чулки и легкие кожаные туфли, – Гаррет миновала несколько залов для частных занятий и учебные классы.

Из-за дверей просачивались знакомые звуки: звяканье рапир, сабель, стук палок, топот ног по дубовому полу, знакомые команды, отдаваемые инструкторами: «Освободились! Выпрямили руку! Уклонились...»

Месье Жан Бужар, сын знаменитого фехтовальщика, преподавал искусство самозащиты во французских и итальянских академиях, прежде чем открыть свой собственный фехтовальный клуб в Лондоне и за последние двадцать лет приобрел безоговорочный авторитет за свое непревзойденное мастерство. Его публичные выступления собирали толпы народа, а классы всегда были заполнены учениками всех возрастов. К большому сожалению значительной части своих современников, месье Бужар не только позволял, но и всячески поощрял женщин заниматься в его школе.

В течение четырех лет Гаррет посещала групповые занятия и брала частные уроки у Бужара и двух его помощников по фехтованию на рапирах и шестах. Месье настаивал на классическом стиле ведения боя. Были запрещены любые нестандартные движения и нарушения правил. Если фехтовальщик вдруг резко наклонял корпус, изгибался или отбегал назад, его добродушно передразнивали и исправляли. «Нельзя прыгать, как мартышка, или извиваться, как угорь», – говорил Бужар. Сохранять достоинство в движениях – вот что было главным. В результате вырабатывался изысканный стиль, который обожали другие фехтовальные школы.

Подходя к дверям своего класса, Гаррет замедлила шаги и слегка нахмурилась, услышав шум, доносившийся изнутри. Предыдущий урок не закончился вовремя? Она осторожно приоткрыла дверь, заглянула в комнату и удивилась, увидев знакомую фигуру месье Бужара, который атаковал соперника серией непрерывных уколов.

Как и все инструкторы школы, Бужар носил полностью черную униформу, в то время как члены клуба и ученики одевались во все белое. Лица у обоих мужчин были прикрыты французскими сетчатыми касками, на руках перчатки, грудь защищали кожаные пластроны. Рапиры, на концы которых для безопасности были надеты «шишечки» – маленькие набалдашники, – вспыхивали и стригли воздух в молниеносном обмене ударами.

Даже если бы Бужар не был во всем черном, его безупречную фигуру нельзя было бы не узнать с первого взгляда. В свои сорок он находился в великолепной физической форме – артист, который постоянно совершенствовал свое мастерство. Каждый выпад, каждая защита, каждый укол были точны и изящны.

Его противник, однако, фехтовал в стиле, которого Гаррет раньше не видела. Вместо того чтобы позволить схватке идти в накатанном ритме, он совершенно неожиданно напал и резко отступал, прежде чем Бужар мог достать его. В его движениях было что-то кошачье – может, дикая грация, от которой все волоски на теле Гаррет вставали дыбом.

Как зачарованная, она проскользнула в класс и прикрыла за собой дверь.

– Добрый день, доктор, – сказал фехтовальщик в белом, даже не посмотрев в ее сторону.

Несколько ударов сердца спустя она узнала голос Этана Рэнсома. В это время он парировал выпад и, низко пригнувшись под клинком Бужара, бросился на него в атаку.

– Это запрещенный удар! – возмущенно воскликнул Бужар.

Оба прекратили бой.

– Добрый день, – искренне откликнулась Гаррет. – Я рано пришла на наше занятие, мистер Рэнсом?

– Совсем нет. Месье Бужар, прежде чем позволить мне учить вас, решил проверить мои способности на себе.

– Это хуже, чем я предполагал, – мрачно сказал Бужар, повернувшись к Гаррет. – Этот человек не обладает достаточной квалификацией, доктор Гибсон. Я не могу одобрить ваши занятия с ним – он разрушит все, чему вы здесь научились.

– Надеюсь, – пробормотал Рэнсом.

Гаррет поджала губы, чтобы сдержать улыбку. Еще никто не осмеливался так нахально говорить с Бужаром.

Мастер фехтования снова повернулся к Рэнсому и резко выкрикнул:

– Начали!

Новая дуэль проходила настолько стремительно, что клинки, казалось, повисли в тумане.

Рэнсом крутился на месте, изгибался, отражая выпады, и нарочно толкнул плечом Бужара, чтобы выбить из равновесия. После толчка он упал на пол, перекатился через себя и, вскочив на ноги, толкнул Бужара второй раз.

– Столкновение с противником? Кататься по полу? Это же не драка в кабаке, ненормальный вы человек! Что, по-вашему, вы делаете? – вопил от злости Бужар.

Повернувшись к нему с опущенной рапирой, Рэнсом холодно ответил:

– Пытаюсь одержать верх. Разве цель не в этом?

– Цель заключается в том, чтобы фехтовать! Так говорится в официальном своде правил любительской лиги.

– И в соответствии с ним вы учили доктора Гибсон сражаться.

– Да!

– Для чего? – с сарказмом поинтересовался Рэнсом. – Для того, чтобы поучаствовать в неожиданной вспыхнувшей драке где-нибудь в трущобах Ист-Энда? Она приходила сюда не для того, чтобы научиться сражаться с джентльменами, Бужар. Она должна знать, как защитить себя от таких людей, как я. – Сняв каску, Рэнсом резким жестом откинул со лба вьющиеся пряди и пронзил мэтра холодным взглядом. – Доктор Гибсон понятия не имеет, как поступить, если вдруг кто-то во время нападения выбьет у нее из рук тросточку, которой она вращает подобно мельнице, чему вы ее, собственно, и научили. Вы ведь жили в Париже, так что должны знать какие-то приемы шоссона². Почему вы не показали ей ни одного из них?

– Потому что это неправильно, – возразил Бужар, снимая каску. Его узкое лицо покраснело, сошуренные черные глаза метали молнии.

– Почему неправильно? – На миг вид у Рэнсома стал откровенно озадаченным.

Месье Бужар презрительно взглянул на него.

– Только грубый крестьянин думает, что цель фехтования заключается в том, чтобы прокнуть кого-нибудь острым концом шпаги. Нет, это дисциплина. Это зримая поэзия с правилами!

– Господи помоги! – только и сказал Рэнсом, с недоверием разглядывая его.

Гаррет решила, что настало время прибегнуть к дипломатии.

– Мистер Рэнсом, не надо обижать месье Бужара. Он передал мне все самое лучшее из своего опыта.

– Это действительно так? – спросил Рэнсом у мэтра. Его голос был тих и полон злости. – Или вы давали ей уроки, как вести себя на паркете в гостиных? Это вы других ваших учениц обучайте выразительным и живописным позам, а эту научите биться за свою жизнь, потому что в один прекрасный день ей придется заняться этим, вооружившись лишь умением, которое она приобретает тут у вас. – Он испепелял мэтра взглядом. – Полагаю, когда доктор Гибсон

---

² Chausson (*фр.*) – борьба, в которой допускаются удары ног.

будет лежать на улице с перерезанным горлом, она по крайней мере сможет утешить себя тем, что не пользовалась запрещенными приемами.

Последовала долгая, долгая пауза, прежде чем прерывистое дыхание месье Бужара пришло в норму. Гнев на лице сменился выражением, которого Гаррет никогда у него не видела.

– Да, понятно, – сказал он, с трудом преодолевая себя. – Я внесу необходимые изменения в ее подготовку.

– И включите приемы шоссона? – продолжал давить Рэнсом.

– Я приглашу специального инструктора, если потребуется.

Мужчины обменялись поклонами, а Гаррет церемонно присела перед своим мастером. Ее беспокоило, что месье Бужар, стараясь не встречаться с ней глазами, удалился с величайшим достоинством, прикрыв за собой дверь.

Оставшись наедине с Этаном Рэнсомом, Гаррет наблюдала, как тот отошел в угол, чтобы сложить там рапиру и снаряжение.

– Вы были грубы с бедным месье Бужаром, – мягко заметила она.

– Этого недостаточно. – Рэнсом опять заговорил с ирландским акцентом. – Надо было провести с ним дополнительно минут пятнадцать, чтобы разукрасить как следует. – Он отстегнул пластрон и кинул на пол. – Вам нужно учиться самозащите больше, чем любому из тех, кто здесь занимается. Его самомнение – или просто лень – подвергает вас риску.

– Даже не знаю, за кого мне больше обидеться – за месье Бужара или за себя, – сухо произнесла Гаррет.

– Никто вас не обижал.

Стянув перчатки, он кинул их в сторону.

– Вы намекаете, что я неумеха?

Рэнсом повернулся к ней.

– Нет. Я видел, как вы деретесь. Вы противник, достойный уважения.

– Благодарю вас, – смягчилась Гаррет, – и прежде всего за то, что заметили, как я кручу трость подобно мельнице.

Рэнсом улыбнулся и пробормотал:

– Бессмысленное движение, но очень приятное для глаз.

Гаррет вдруг сообразила, что видит его в первый раз в добром расположении духа. Ошеломляющая ясность его глаз, чья синева была видна даже в другом конце комнаты, вызывала в ней незнакомое, но приятное ощущение высоко под ребрами, как будто кто-то мягкими движениями завязывал там мелкие узелки. У Рэнсома были суровые, по-настоящему мужские черты лица, но длинные черные ресницы придавали ему отпечаток нежности, а когда он улыбался, Гаррет могла бы поклясться, что на одной щеке появлялась ямочка.

Рэнсом пошел вдоль стены, с притворным интересом разглядывая картинку в рамках, которые изображали различные позиции во время фехтования. Гаррет была просто очарована его мальчишеской уловкой – словно он не знал, как к ней подступить.

В фехтовальной форме фигура у него выглядела роскошно. Обычно белый цвет не благосклонен к мужчинам. Полотняный жилет на пуговицах, который застегивается на одну сторону и тесно облегает торс до самых бедер, у обычных мужчин делает плечи узкими, а талию широкой, однако просто скроенный костюм Рэнсома подчеркивал красоту пропорций его тела – сильного, литого, без каких-либо намеков на мягкость или дряблость.

Взгляд Гаррет скользнул от широких плеч до узких бедер и даже ниже, а когда до нее дошло, что она в упор разглядывает его, быстро подняла глаза и вспыхнула, как девчонка, потому что Рэнсом вопросительно уставился на нее.

– Я просто заметила, что у вас необычно развита четырехглавая мышца, – пояснила она профессиональным тоном.

У него непроизвольно дернулись губы.

– Это комплимент, доктор?

– Конечно, нет. Всего лишь наблюдение. По вашему сложению можно было бы предположить, что вы либо моряк, либо кузнец.

– Мне приходилось работать с металлом, но, разумеется, это не то, чем занимаются кузнецы.

– И что же это такое?

Рэнсом поправил одну из рамок на стене.

– Большой частью замки и ключи. Мальчишкой меня взяли подмастерьем к слесарю, который специализировался на тюремных замках. – И, не глядя на нее, добавил: – Мой отец был надзирателем в тюрьме Клеркенуэлла.

В большинстве тюрем, включая клеркенуэллскую, процветала антисанитария. По мнению Гаррет, детям нельзя было позволять работать в таких условиях, и она заметила:

– Опасное место для мальчишки.

Рэнсом пожал плечами.

– Там было довольно безопасно, если я соблюдал правила.

– У вас есть братья и сестры?

– Нет, я был единственным ребенком.

– Я тоже. – Она редко делилась чем-то личным, но неожиданно для себя продолжила: – А мне всегда хотелось иметь сестру. Мать умерла при моем рождении, а отец потом так и не женился.

– Он ведь был констеблем в дивизионе Е, да?

Гаррет быстро взглянула на него.

– Да. Откуда вам это известно?

– Читал в прессе.

– О, конечно. – Она слегка поморщилась. – Репортеры стараются описать меня как какую-нибудь диковину: например, как говорящую лошадь.

– Вы необычная женщина.

– На самом деле нет. Многим тысячам женщин хватает ума и характера, чтобы заниматься медициной, однако здесь, в Англии, женскому полу доступ в медицинские школы запрещен, поэтому-то пришлось учиться и проходить практику во Франции. Мне еще страшно повезло, что удалось получить сертификат для работы врачом до того, как Британская медицинская ассоциация прикрыла эту лазейку, чтобы не дать другим женщинам сделать то же самое.

– Что ваш отец сказал по этому поводу?

– Сначала он был резко против. Он считал, что для женщин такое занятие неприлично: обследовать раздетых людей и все такое, однако мне удалось убедить его, раз уж мы созданы по подобию Божьему, что не может быть ничего дурного в том, чтобы обследовать человеческое тело.

– И он передумал?

– Не сразу. Но когда услышал, как мои друзья и родственники нападают на меня из-за этого, в нем разыграл темперамент. Он терпеть не мог, когда кто-то указывал мне, что я могу и чего не могу делать, поэтому и решил меня поддержать.

Улыбнувшись, Рэнсом подошел и встал рядом. На его недавно выбритых щеках лежала тень. Он осторожно забрал трость у нее из рук.

– Нам она больше не понадобится.

Гаррет кивнула. Пульс лихорадочно забился на запястьях, у горла, под коленками.

– Перчатки тоже снять? – Она попыталась говорить самым будничным тоном.

– Если хотите. – Положив трость на пол, Рэнсом повернулся к ней и мягко сказал: – Для вас это не составит труда. Вам это даже понравится. Через несколько минут я позволю вам швырнуть меня на пол.

Гаррет не выдержала и рассмеялась.

– Вы больше меня в два раза. Как мне это удастся?

– Я покажу, но начнем мы с самого простого. Вы помните, что я рассказывал о самом распространенном способе нападения на женщин?

– Их душат, нападая спереди.

– Верно. Обычно прижимая к стене. – Рэнсом осторожно взял ее за плечи и заставил шагнуть назад.

Гаррет почувствовала, как ее лопатки коснулись стены. Большие руки передвинулись ближе к горлу. У Рэнсома были такие сильные пальцы, что могли бы гнуть медные монеты. Ощущение тревоги побежало вниз по спине, и она замерла.

Рэнсом тут же отпустил ее, его брови озабоченно сошлись на переносице.

– Нет, – замотала головой Гаррет. – Я... со мной все в порядке. Это от того, что меня еще никто не брал за горло.

Его голос был мягок:

– Меня не надо бояться. Никогда!

– Конечно. – Она помолчала, прежде чем добавить с кривой улыбкой: – Когда я упомянула о вас отцу, он сказал, что вы были очень опасным человеком.

– Могу таким быть и сейчас.

Гаррет посмотрела на него свысока.

– Каждому мужчине нравится думать, что в его натуре сохранились остатки необузданности и непокорности.

– Вам ведь все известно о мужчинах, не так ли? – Его вопрос прозвучал почти как насмешка.

– Мистер Рэнсом, мужской пол перестал представлять для меня нечто таинственное после первого курса практической анатомии, который включал в себя вскрытие трупов.

Это должно было поставить его на место, однако Рэнсом тихо засмеялся.

– Я не сомневаюсь, что вы, доктор, можете покромсать мужчину, как зайца на рагу, но это не означает, что вы понимаете о нем главное.

– Вы считаете меня наивной? – холодно осведомилась она.

Рэнсом покачал головой.

– Я не вижу в вас никаких недостатков.

И то, как тихо и искренне он это сказал, сбило Гаррет с толку.

Теплые мужские пальцы снова коснулись ее шеи, и она почувствовала шершавость мозоли на его указательном пальце. Это было как прикосновение кошачьего язычка. Контраст между brutальной силой этих рук и немислимой нежностью прикосновения оказался таким поразительным, что у Гаррет по всему телу моментально побежали мурашки.

– А теперь, – тихо проговорил Рэнсом, и его глаза сосредоточились на незащитном горле, – у вас есть всего несколько секунд, чтобы дать отпор.

– Да. – Гаррет не сомневалась, что он чувствует ее дыхание, слышит, как лихорадочно бьется пульс, ощущает, как она делает глотательные движения. – Если надавить на трахею и пережать сонную артерию, это грозит быстрой потерей сознания. – Она неуверенно взяла его за локти. – Что, если я повисну у него на руках, вот так...

– Нет. Если он будет такого же роста, как я, вы не сможете сдвинуть его с места. Опустите подбородок, чтобы защитить горло, сложите ладони, как для молитвы, и быстро проденьте их сквозь кольцо рук... Хорошо, еще выше... вот так. Нужно заставить мои локти раздвинуться в стороны. Теперь почувствуете, что захват ослаб, что вы на свободе?

– Да, – обрадовалась она своему неожиданному открытию.

– Теперь хватайте меня за голову.

Сбитая с толку, Гаррет озадаченно посмотрела на него.

– Ну же, – подбодрил Рэнсом.

К ее досаде, у нее вдруг вырвалось нервное хихиканье. А ведь она никогда не хихикала! Откашлявшись, Гаррет сначала дотронулась до его скул, потом ее ладони легли ему на ушные раковины, и она ощутила под пальцами плотный шелк его вьющихся волос.

– Возьмите меня за лицо, – приказал он, – так, чтобы большие пальцы лежали на глазных яблоках.

Гаррет нахмурилась.

– Вы хотите, чтобы я выдавила человеку глаза?

– Да! Никакой пощады мерзавцу, ведь он не станет вас щадить.

Она с сомнением примерилась и прижала подушечки больших пальцев к внешним уголкам глаз, где кожа была тонкой и горячей. Очень тяжело было встретить его взгляд. Цвет глаз Рэнсома был такой насыщенный, что Гаррет показалось, будто они затянут ее в свою синеву и она утонет в ней.

– А теперь, – продолжил Рэнсом, – откиньте голову назад, а потом резко ударьте меня лбом в нос. – Прежде чем Гаррет выполнила команду, он быстро отстранился. – Спокойнее. Нос у меня уже сломан.

– Как это случилось? – Она уже представила ситуацию, опасную для жизни. – Успокаивали нарушителей общественного порядка? Пытались предотвратить ограбление?

– Перелетел через ведро, – криво усмехнулся Рэнсом. – На глазах у двух констеблей и полудюжины арестованных, сидящих в камере предварительного заключения.

– Бедняжка! – проговорила Гаррет с сочувствием, хотя с трудом удерживалась от смеха.

– Оно того стоило, – сказал Рэнсом. – В этот момент арестанты выясняли между собой отношения, но сразу устали на меня и загоготали, забыв о своей драке. – Он быстро сменил тему и заговорил по-деловому: – В реальной ситуации притяните голову противника ближе к себе и молотите ему по носу своим лбом до тех пор, пока негодяй не отползет.

– Я сама-то сознание не потеряю?

– Нет, это место очень крепкое, как раз для таких целей. – Рэнсом осторожно постучал костяшкой пальца по ее лбу, словно по деревянной панели. – Противник пострадает больше, чем вы.

Он вновь обхватил ее шею руками, а Гаррет осторожно стала притягивать его голову к себе, пока не почувствовала, что его губы и нос коснулись ее лба. Контакт длился всего мгновение, но это было как удар током. Мягкое прикосновение его губ, теплое дыхание и острый запах мужского тела вызвали новый прилив чувств. Теперь Гаррет сама словно излучала жар.

Рэнсом медленно отодвинулся и посоветовал:

– После этого можете нанести удар коленом в пах. Если, конечно, ваши юбки не очень тяжелые или не очень узкие.

– Вы хотите сказать, что мне нужно воспользоваться коленом, чтобы... – Ее взгляд скользнул к тому месту, о котором он упомянул.

– Примерно вот так. – Рэнсом показал неуловимое движение коленом.

– Мне кажется, что в платье для прогулок такое вполне возможно.

– Тогда сделайте так. Это самая разрушительная цель на теле мужчины. Боль моментально растекается по всем внутренним органам.

– В этом я не сомневаюсь, – задумчиво сказала Гаррет. – В мошонке находится нервный узел: сперматик плексус, – ответвления от которого уходят в брюшную полость. – Заметив, что Рэнсом отвернулся, она произнесла извиняющимся тоном: – Я поставила вас в неловкое положение? Прощу прощения.

Рэнсом посмотрел на нее, и она увидела, что его глаза смеются.

– Совсем нет. Просто я еще ни разу не слышал, чтобы леди изъяснялась на таком языке.

– Как вы уже знаете, я не леди.

Глава 4

Занятие, которое последовало затем, не могло не отличаться от ее уроков с месье Бужаром, который неизменно подчеркивал необходимость придерживаться дисциплины, хранить молчание и отрабатывать движения до совершенства. Занятие с Рэнсомом скорее походило на схватку, драку, где не было места шуткам. Ежесекундные скручивания, захваты и толчки требовали от Гаррет столько внимания, что она совсем забыла о времени. Прикосновение мужских рук было для нее совершенно непривычным, но Рэнсом делал это так деликатно и с такой осторожностью, что она быстро доверилась ему.

Он терпеливо показывал различные приемы и предлагал ей повторять их раз за разом, пока не убеждался, что Гаррет освоила их полностью. Рэнсом хвалил ее за прилежание, называл воительницей и амазонкой, не единожды радовался ее энтузиазму. И как и обещал, научил, как бросить мужчину на землю. Для этого надо было обхватить его ногу своей и, воспользовавшись ею как рычагом, лишить его равновесия. Каждый раз, падая на пол, Рэнсом откатывался в сторону каким-то текучим движением и уже через секунду снова стоял на ногах.

– Где вы этому научились? – спросила Гаррет.

– После того как я ушел из дивизиона К, меня отправили на специальное обучение.

– Это куда?

Рэнсому явно не хотелось отвечать на этот вопрос.

– В Индию.

– В Индию? О боже! И надолго?

– На полтора года. – Заметив ее интерес, Рэнсом, осторожно подбирая слова, объяснил: – Со мной занимался восьмидесятилетний гуру, который был гибок и подвижен, как шестнадцатилетний мальчишка. Он преподавал мне бойцовскую систему, основанную на движениях животных, – например, тигра или змеи.

– Потрясающе!

Внезапно Рэнсом повернул ее голову в сторону и произнес:

– А вот так надо делать, если кто-то вдруг зажмет вас медвежьей хваткой. – Он заколебался. – Я должен обхватить вас руками.

Гаррет доверчиво кивнула и осталась смиренно стоять, оказавшись в его объятиях. Захват был сильным, но не сокрушительным. Он слегка приподнял ее так, что пятки начали отрываться от пола. Гаррет словно оказалась в кольце его силы, вдыхая исходящий от него жар и пот – результат физических усилий. Одновременно до нее доносилось его ритмичное дыхание.

– Медведи и вправду так хватают? – спросила она, задохнувшись.

– Не знаю. – Его веселый голос раздался у нее над самым ухом. – Я никогда не подходил к ним близко, чтобы проверить. А теперь вам надо сделать так, чтобы я вас не подхватил и не уволок. Толкайтесь бедрами назад, используйте весь свой вес, чтобы твердо встать на землю. – Он подождал, пока она выполнит команду. – Прекрасно! А теперь сделайте шаг в сторону и развернитесь – это даст вам возможность со всей силой ударить нападавшего в пах. – Он посмотрел, как она сложила пальцы, и возмутился: – Не так. Неужели никто вас не научил, как правильно сжимать кулак?

– Мне не показывали.

Он развернул Гаррет лицом к себе, взял ее руку в свои ладони и начал показывать.

– Сожмите четыре пальца, а сверху прижмите к ним большой палец. Не засовывайте его под пальцы, иначе сломаете его, нанося кому-нибудь удар. И не сжимайте кулак до предела,

потому что в таком положении мизинец провалится внутрь и сломается. – Он провел подушечкой большого пальца по костяшкам, проверяя, насколько сильно она сжала кулак.

«Сейчас он отпустит мою руку», – подумала Гаррет, но вместо этого... кончики его пальцев начали поглаживать небольшие углубления между костяшками, потом полированную поверхность ногтей, потом нежную подушечку в основании большого пальца. А когда он коснулся запястья с внутренней стороны, где все чаще и чаще бился пульс, Гаррет затаила дыхание.

– Почему вас называли Гаррет? – вдруг услышала она вопрос.

– Мама была уверена, что родит мальчика. Ей хотелось дать ребенку имя одного из своих братьев, который умер совсем юным, но она сама скончалась, рожая меня. Не обращая внимания на возражения родственников и друзей, отец все равно назвал меня Гаррет.

– Мне нравится, – тихо произнес Рэнсом.

– Оно мне подходит, хотя я не уверена, что мама согласилась бы дать мужское имя дочери. – И после паузы неожиданно для себя с горячностью заявила: – Иногда я представляю, как возвращаюсь в то время, чтобы остановить кровотечение, которое убило ее.

– Вы поэтому стали доктором?

Слегка нахмурившись, Гаррет поразмыслила.

– Я никогда не думала над этим. Мне всегда казалось, что, помогая людям, я раз за разом спасаю ее, но потом я вдруг обнаружила, что медицина потрясающа сама по себе. Человеческое тело – это поразительный механизм.

Поглаживая тыльную сторону ее ладони, Рэнсому казалось, что он гладит шелк носового платка.

– Зачем вы пошли в правоохранительные органы?

– Мальчишкой мне всегда нравилось наблюдать за констеблями, которые каждое утро привозили в тюрьму арестантов. Большие сильные парни, одетые в синюю форму, в начищенных до блеска черных ботинках. Мне нравилось, как они приносили с собой ощущение порядка.

– Что заставило вас захотеть стать одним из них?

– Отец зарабатывал пять фунтов в неделю. Это была хорошая зарплата, особенно учитывая, что мы жили в служебном домике на территории тюрьмы. Но даже так временами денег не хватало. Когда мамой овладевало беспокойство, что у меня неделями нет никакой еды, кроме картошки и молока, или когда накапливались неоплаченные счета, она тихонько ускользала из дома, чтобы встретиться с одним женатым джентльменом. У них была договоренность. Потом, когда отец вдруг замечал новые подметки на моих ботинках или пополнившийся запас свечей и угля в доме... он бил ее, не говоря ни слова, а потом меня – за то, что пытался его остановить. И пока бил, плакал. А на следующий день мы все вели себя так, словно ничего не случилось. Но забыть об этом я не мог и не переставал говорить себе, что настанет день, когда у меня будет достаточно сил, чтобы остановить отца или любого другого человека, который посмеет обидеть маму. До сих пор, когда у меня на глазах обижают или бьют женщину, я вспыхиваю как порох.

Наконец до Рэнсома дошло, что он все еще держит Гаррет за руку, и он резко отпустил ее.

– Я был слишком мал, чтобы понять, чем мама занималась с тем джентльменом, или почему отец, который просто боготворил свою жену, бил ее, или почему мама слова дурного о нем не сказала. «Все мужья бьют своих жен, – оправдывала она его. – Такова мужская натура». Но она надеялась, что я таким не стану. И я пообещал ей, что никогда не ударю женщину, и никогда этого не делал. Лучше руку себе отрубить.

– Я вам верю, – тихо сказала Гаррет. – Ваша мама ошибалась. Дело вовсе не в натуре тех мужчин, которые поднимают руку на женщин, а в том, что у них ужасный характер.

– Хотелось бы так думать, – буркнул он. – Но я видел слишком много зла, чтобы говорить об этом с уверенностью.

– Я тоже, – просто сказала Гаррет. – И тем не менее я знаю, что права.

– Завидую вашей уверенности. – Рэнсом улыбнулся так, словно камень упал с его души.

Гаррет еще никогда не говорила о таких вещах ни с кем из мужчин. На первый взгляд разговор был самым обычным, но в глубине... Она испытывала ощущение, похожее на то, которое возникло у нее в тот день, когда она в первый раз вошла в аудиторию Сорбонны. Гаррет была напугана и одновременно испытывала душевный подъем перед тем таинственным миром, который ей открылся.

– Нам пора заканчивать, – неохотно сообщил Рэнсом. – Мы и так перебрали время.

– Правда? – удивилась она.

– Прошло почти два часа. Повторим последний прием, и на этом закончим.

– Не сомневаюсь, что мне еще многому надо научиться, – сказала она. – Когда мы увидимся в следующий раз?

Рэнсом обхватил ее со спины.

– У меня есть другие договоренности, из-за которых я буду занят какое-то время. – Последовала долгая пауза, наконец он сказал: – После сегодняшнего занятия вы меня не увидите.

– Как долго?

– Совсем.

Гаррет удивленно захлопала глазами и извернулась так, чтобы заглянуть ему в лицо.

– Но... – Услышав горестную интонацию в своем голосе, она почувствовала себя униженной. – А что же насчет вторников?

– Я больше не смогу сопровождать вас по вторникам. Очень скоро мне придется залечь на дно. Может, это и к лучшему.

– Почему? Вы собираетесь спасти Англию? Будете побеждать тайных лидеров зла?

– Я не могу говорить об этом.

– Какая чушь! На все, что вы скажете, будет распространяться правило конфиденциальности между пациентом и доктором.

Рэнсом коротко улыбнулся.

– Я не ваш пациент.

– Но можете им стать в один прекрасный момент, – мрачно сказала Гаррет. – Учитывая то, чем вы занимаетесь.

В ответ Рэнсом лишь развернул ее от себя на сто восемьдесят градусов.

Она подчинилась, и ею вдруг овладело гнетущее чувство. Как так может быть, что она больше не увидит этого мужчину? Это действительно имеет отношение к его работе? А возможно, это всего лишь первая подвернувшаяся причина, а правда заключается в том, что она ему просто не интересна. Возможно, что влечение испытала только она. Почувствовав, как горлу подступает комок, Гаррет была потрясена.

– Запомните, надо толкать... – начал Рэнсом, но тут дверь отворилась и на пороге появился месье Бужар.

При виде стоявших в обнимку молодых людей его глаза сердито сощурились.

– Мне этот зал требуется для следующего занятия, – объявил мастер фехтования и с усмешкой добавил: – Это так вы обучаете доктора Гибсон приемам?

Гаррет сухо ответила:

– Вы наблюдаете оборонительный маневр, месье. Сейчас я нанесу ему сокрушительный удар в пах.

Мастер фехтования смотрел на них с каменным выражением лица, наконец произнес:

– Прекрасно! – и громко захлопнул дверь.

Гаррет почувствовала, что Рэнсом, уткнувшись лицом ей в спину, давится от смеха, как вредный мальчишка во время церковной службы, а потом услышала:

– Теперь придется выполнить обещанное. Бужар не успокоится, если я не выползу отсюда на карачках.

Она невольно усмехнулась:

– Ради Англии я вас пожалею. – И как он ее учил, сделала сильный толчок бедрами назад и сразу наклонилась вперед.

Их тела прижались друг к другу, как фрагменты мозаики. Приняв на себя вес его тела, ощутив тепло, которое окутало ее, Гаррет испытала чистейшее, ничем не замутненное наслаждение.

Руки Рэнсома напряглись, горло перехватил спазм, словно он не понимал, что ему нужно: выдохнуть или сделать вдох. В следующий момент он отпустил Гаррет и неуклюже рухнул на пол.

Она переполошилась и опустилась рядом с ним.

– Что случилось?

– Растяжение мышцы, – глухо ответил Рэнсом, но его вид внушал тревогу: лицо побаврело, дыхание резко участилось.

– Голова кружится? – озабоченно спросила Гаррет. – Предметы узнаете? – Она приложила ладонь к его щеке, чтобы определить температуру, однако он резко отстранился. – Давайте я проверю пульс.

Гаррет снова потянулась к нему, но Рэнсом схватил ее за руку, и она взглянула в его глаза, сиявшие какой-то неземной синевой.

– Не трогайте меня, или я... – Неожиданно он откатился от нее и встал на ноги одним простым движением, потом отошел к противоположной стене, оперся об нее руками и опустил голову.

Однако прежде чем Рэнсом повернулся к ней спиной, Гаррет заметила то, что не имело никакого отношения к растяжению мышцы. Это была проблема совершенно другого рода. Узкие брюки для фехтования со всей очевидностью демонстрировали этот ужасающий факт – Рэнсом был возбужден, и это впечатляло!

Лицо Гаррет залила краска, щеки запылали. Не понимая, что делать дальше, она так и осталась стоять на коленях, испытывая странное чувство, природу которого не могла определить: не смущение, хотя была красная с головы до ног, не наслаждение, хотя нервы пели как натянутые струны.

Ей еще не доводилось оказываться в ситуации, когда присутствие женщины вызывает в мужчине страсть, отчасти потому, что она никогда не занималась оттачиванием искусства флирта и приемов женского очарования. Отчасти потому, что, когда ей в первый раз довелось встретить мужчину, она занялась своим обычным делом – наложила швы хирургической иглой и сделала ему укол.

– Э-э... Вам поможет стакан холодной воды? – осмелилась спросить Гаррет и даже не узнала собственный голос: так робко он прозвучал. – Я принесу.

Рэнсом ответил, все так же упираясь в стену лбом:

– Если только вы выльете его мне в штаны.

У нее вырвался сдавленный смешок, и, обернувшись, он бросил на нее косой взгляд. Это была жаркая вспышка, бесконечно синяя, передававшая силу желания, и разрушительная, как удар молнии. При всех своих знаниях о функциях человеческого тела, Гаррет только сейчас начала понимать, что содержалось в этом огненном взгляде.

Его голос был сух и с нотками насмешки над самим собой:

– Как вы сказали, доктор... в натуре каждого мужчины сохранились остатки необузданности и непокорности.

Глава 5

– И что он сказал потом? – шепотом спросила леди Хелен Уинтерборн, перегнувшись к ней через чайный столик. Ее серо-голубые глаза стали круглыми, как серебряные флорины. – А что ты сказала?

– Не помню, – призналась Гаррет, удивляясь тому, что ее лицо продолжает пылать, хотя прошло уже три дня. – У меня мозги превратились в кашу. Это было так неожиданно.

– Ты никогда не видела мужчину... в таком состоянии? – Хелен проявила деликатность. Гаррет с усмешкой взглянула на нее.

– Я бывшая сиделка плюс доктор. Уверю тебя: я столько раз видела эрекцию, что дала бы фору какой-нибудь мадам в борделе, но ни разу это не имело никакого отношения ко мне.

Чтобы скрыть улыбку, Хелен уткнулась в полотняную салфетку.

По заведенному обычаю они раз в неделю встречались за ленчем в заново отделанной чайной в универмаге Уинтерборна. Это было просторное помещение с высокими потолками и мозаичными стенами, которое служило хорошим укрытием от дневной жары и уличной суеты. Многочисленные посетители группками сидели за круглыми столиками. В каждом углу чайной были устроены альковы, отделенные от общего зала, где можно было поговорить в приватной обстановке.

Хелен, жене Уинтерборна, конечно, всегда находилось местечко в одном из таких альковов.

Гаррет подружилась с Хелен практически сразу, после того как ее наняли доктором для сотрудников универмага. Она очень быстро сообразила, что Хелен не только добра, чувствительна и преданна, но и умеет держать рот на замке, а значит, ей можно доверять. У них было много общего, включая стремление помогать людям, которым не повезло в жизни. За последний год Хелен стала патронессой нескольких благотворительных обществ, опекавших женщин и детей, и активно работала над реформой этой сферы деятельности.

На днях Хелен настояла на том, что Гаррет должна принимать участие в ужинах по сбору средств на благотворительность и в частных концертах, которые она устраивала вместе с мужем.

– Ты не можешь все время работать, – сказала Хелен мягко, но решительно. – Иногда нужно выходить в свет.

– Общенья мне и так хватает, – воспротивилась Гаррет.

– В клинике – да, но я имею в виду светские мероприятия, на которые нужно приходиться в красивом платье, чтобы просто поболтать и, возможно, даже потанцевать.

– Ты же не собираешься стать моей свахой, или я не права? – подозрительно спросила Гаррет.

Хелен посмотрела на нее укоризненно.

– Нет ничего ужасного в том, чтобы завязать знакомство с кем-то из холостых джентльменов. Ты ведь не настроена против замужества?

– Совсем нет. Только я не могу представить, кто сможет выдержать мой образ жизни. Это ведь должен быть кто-то не из тех, кто считает, будто совместная жизнь должна вертеться вокруг его желаний, или ожидает, что я стану женой в традиционном смысле. Не уверена, что такой мужчина существует. – Пожав плечами, Гаррет криво усмехнулась. – Меня совершенно не волнует, что я, как говорится, уже «отложена на полку». Оказалось, что на этой полке очень даже неплохо.

– Если даже такой человек где-то ходит, – не сдавалась Хелен, – ты его вряд ли встретишь, все время сидя дома. Ты должна прийти к нам на ужин, а это означает, что тебе понадобится новое вечернее платье.

– У меня уже есть такое платье. – Гаррет вспомнила о своем наряде из сапфировой парчи, который был сшит несколько лет назад, но в носке оказался прочным, как железо.

– Я видела твоё платье, и оно, конечно, очень... миленькое, – заметила Хелен, дав платью убийственную характеристику одним словом, – но нужно что-то более... изысканное. В нашем возрасте дамы не носят вечерние туалеты, закрытые под горло: это для юных девиц или вдов в трауре.

Понимая, что знание веяний моды не ее сильная сторона, Гаррет согласилась после чая нанести визит миссис Олбени – портнихе, которая работала при универмаге.

Немного помолчав, Хелен вздохнула:

– Бедный мистер Рэнсом! Для мужчины это, должно быть, чудовищно неловко, когда его застают в таком состоянии.

– Вне всякого сомнения. – Гаррет как раз принялась за миниатюрный сэндвич, состоявший из двух тонких ломтиков французской булочки с листом салата и слоем сливочного сыра между ними. – Хотя Рэнсом совсем не выглядел смущенным.

Приятное ощущение, как от щекотки, вновь наполнило Гаррет, когда она вспомнила, какими глазами он смотрел на нее. Это был взгляд голодного тигра, полного желания и говорящих инстинктов. Если это так, тогда каких трудов ему стоило держаться от нее на расстоянии!

– Как закончилось занятие? – спросила Хелен.

– Когда мы переоделись, Рэнсом встретил меня на улице, а потом нанял кеб. Прощаясь, он поблагодарил за проведенное вместе время и сказал, что ему очень жаль оттого, что мы больше не увидимся. Не помню, что я сказала в ответ. Помню только, что протянула ему руку, чтобы обменяться рукопожатиями, а он...

– Он что?

Щеки Гаррет порозовели.

– Он... поцеловал ее, – наконец выдавила она, вспоминая, как его темноволосая голова склонилась к ее руке в перчатке. – Это было последнее, чего я от него ожидала. Огромный синеглазый головорез поступает так по-джентльменски... Особенно после того, как мы в течение двух часов хватали и валяли друг друга по всему фехтовальному залу.

Его жест был исполнен такой нежности, что она застыла, не в силах произнести ни слова. Даже сейчас от одного воспоминания об этом на нее накатывала волна удовольствия и тепла. Это было какое-то сумасшествие! Ни с кем из пациентов, которых она обследовала, лечила и оперировала, у нее никогда не возникало подобного ощущения близости, как в тот момент, когда Рэнсом прикоснулся губами к ее перчатке.

– Я не могу перестать думать об этом, – продолжила Гаррет. – Мне не дает покоя мысль, что было бы, если бы... – Не в силах произнести этого вслух, она принялась вертеть в руках крошечную ложечку для щербета. – Мне хочется увидеться с ним снова, – наконец призналась она.

– О, дорогая! – тихо воскликнула Хелен.

– Я не знаю, как его найти, – Гаррет искоса посмотрела на подругу, – но твой муж знает. Хелен явно испытывала неудобство.

– Если мистер Рэнсом сказал, что не может встречаться с тобой, мне кажется, стоит уважать его решение.

– Он может навестить меня тайным образом, если захочет, – раздраженно заметила Гаррет. – Этот человек скрытно перемещается по Лондону, как бродячий кот.

– Если он будет встречаться с тобой тайно, куда это заведет? Вернее, куда ты заведешь эту ситуацию?

– Понятия не имею. – Отложив ложечку, Гаррет взяла в руки вилку, поддела клубничину, а затем ножом раскрошила ее на мелкие кусочки. – Рэнсом, конечно, не подходящая для меня компания, и я должна выкинуть его из головы.

– Да, так будет лучше, – осторожно заметила Хелен.

– За исключением одного: я не могу этого сделать. – Отодвинув приборы в сторону, Гаррет тихо сказала: – Я никогда не руководствовалась нежелательными мыслями или чувствами и всегда была в состоянии отставить их в сторону. Что со мной происходит?

Хелен погладила своей прохладной белой рукой ее стиснутый кулак.

– Ты слишком много работаешь и не даешь себе отдыха. И тут вдруг откуда ни возьмись таинственный красавец, который защищает тебя от преступников...

– Это раздражает больше всего, – прервала ее Гаррет. – Я могла бы и сама справиться, если бы он не вмешался.

Хелен усмехнулась:

– Думаю, ты себе немного льстишь.

– Возможно, – буркнула Гаррет, с преувеличенным вниманием исследуя блюдо с сэндвичами. – Вообще так странно, что он оказался таким лихим: сплошь наглость и мускулы. Только тебе могу признаться, что когда я услышала его ирландское наречие, то чуть не начала хлопать глазами и глупо улыбаться, как какая-нибудь инженерю из второсортного театра.

Хелен мягко рассмеялась:

– Есть что-то очаровательное в мужчинах с акцентом, правда ведь? Я знаю, это считается недостатком, но для меня в этом есть что-то поэтическое.

– В наши дни говорить с ирландским акцентом – кратчайший путь к тому, чтобы перед твоим носом захлопнули все двери, – мрачно сказала Гаррет. – Нет сомнения, что именно поэтому мистер Рэнсом постарался избавиться от него.

В течение последних десяти лет политическая деятельность тех, кто считал, что Ирландия имеет все права управляться самостоятельно, создала атмосферу растущей нетерпимости. Повсюду распространялись слухи о тайных заговорах, так что было трудно отделить предрассудки от реальных причин, в особенности сейчас, после недавней активизации террористов, включая последнее неудачное покушение на жизнь принца уэльского.

– Такой человек не пользуется уважением, не имеет хорошей работы, – продолжала Гаррет. – К тому же он коварен, склонен к насилию и явно похотлив, как хорек. Я не могу испытывать к нему влечения.

– Влечение не возникает по чьему-либо выбору, – задумчиво произнесла Хелен. – Это проявление магнетизма, действие непреодолимой силы.

– Я не собираюсь становиться заложницей невидимых сил.

Хелен с сочувствием улыбнулась ей.

– Когда Пандору ранили во время уличного нападения, ты сказала, что от шока пострадала вся ее нервная система. Так вот, мистер Рэнсом стал для твоей нервной системы таким же шоком. Помимо всего прочего, мне кажется, он заставил тебя понять, что ты одинока.

Гаррет, которая всегда гордилась своей самодостаточностью, возмущенно взглянула на подругу.

– Это невозможно! Как я могу быть одинокой, если у меня есть ты, есть другие подруги, мой отец, доктор Хевлок, мои больные...

– Я имела в виду другое одиночество.

Гаррет нахмурилась.

– Я не какая-нибудь простушка, у которой голова набита сахарной ватой. Смею надеяться, что отношусь к более возвышенным особам.

– Даже возвышенная особа может высоко оценить пару... Как ты их назвала? Четырехглавые мышцы?

Трудно было не уловить легкую насмешку в словах Хелен, пусть и сказанных рассудительным тоном. Не зная, что сказать, Гаррет решила скрыться за простым делом: налила себе чашку чая, – а тут еще официант принес две креманки с лимонным шербетом.

Хелен дождалась, когда он отойдет от стола, и продолжила:

– Дослушай меня, прежде чем начнешь возражать. Мне очень хочется представить тебя моему кузену Уэсту. Он пробудет в городе две недели. Прошлый раз, когда он приезжал навестить Пандору, тебе не удалось встретиться с ним. Мы устроим ужин в Рейвенел-хаусе как-нибудь на днях.

– Нет! Умоляю тебя, Хелен, не втягивай меня – или своего кузена – в эти бессмысленные мучения.

– Уэст очень хорош собой, – упорно продолжала Хелен. – Темноволосый, синеглазый и обаятельный. Я не сомневаюсь, вы понравитесь друг другу. После нескольких минут в его компании ты и думать забудешь о мистере Рэнсоне.

– Даже если, паче чаяния, мы с мистером Рейвенелом понравимся друг другу, в итоге это ничего не даст. Я не могу жить за городом, на природе. – Подцепив ложечкой щербет, Гаррет позволила замороженной кисло-сладкой субстанции растечься на языке. – Помимо всего прочего, я боюсь коров.

– Из-за их размеров? – с сочувствием осведомилась Хелен.

– Нет, из-за того, как они смотрят. Такое впечатление, что они что-то замышляют.

Хелен хмыкнула.

– Обещаю, если ты когда-нибудь посетишь усадьбу Эверсби, всех коров-заговорщиц убьют с глаз долой. А уж если тебя так беспокоит жизнь за городом, то Уэст может захотеть вернуться в Лондон. У него много интересов и талантов. О, скажи наконец, что познакомишься с ним!

– Я над этим подумаю, – неохотно произнесла Гаррет.

– Спасибо! У меня сразу отлегло от сердца. Потому что я боюсь, – в голосе подруги появились серьезные нотки, – что существует весьма веская причина, почему мистер Рэнсом решил держаться подальше от тебя.

Гаррет с тревогой взглянула на нее.

– Какая?

Нахмурившись, Хелен помолчала, словно борясь с собой, а потом продолжила:

– У меня есть кое-какая информация насчет мистера Рэнсома. Я не вправе говорить обо всем, но есть определенные вещи, которые ты должна знать.

Смирившись, Гаррет терпеливо ждала, пока Хелен оглядится по сторонам и убедится, что никто не приближается к алькову.

– Это имеет отношение к инциденту в ратуше в прошлом месяце, – тихо заговорила она. – Ты помнишь, что Пандора вместе с лордом Сент-Винсентом присутствовали на том приеме.

Гаррет кивнула. Она слышала от самой Пандоры о том, как благодаря плохо подогнанной доске были обнаружены бомбы, спрятанные под полом. К счастью, охваченная паникой толпа покинула здание за несколько минут, а детонаторы были обезврежены до того, как их смогли привести в действие. В связи с этим заговором не было произведено никаких арестов, но вину возложили на небольшую группку радиальных ирландских националистов.

– В тот вечер скончался один из приглашенных на прием, – продолжала Хелен. – Заминистра внутренних дел мистер Нэш Прескотт.

Гаррет кивнула.

– Судя по отчету, опубликованному в «Таймс», у него было слабое сердце. А когда объявили тревогу и возникла суета, сердце не выдержало. Он перенес сердечный приступ, который закончился фатально.

– Это официальная версия, – заметила Хелен. – Лорд Сент-Винсент рассказал мистеру Уинтерборну в частном порядке, что мистер Прескотт заранее знал о заложенной бомбе. И не кто иной, как мистер Рэнсом обнаружил тело мистера Прескотта в парке недалеко от ратуши. – Хелен помолчала. – После того как устроил погоню за ним.

– Рэнсом гнался за ним с самого приема? – Гаррет пристально посмотрела на подругу. – Поверь мне, во время сердечного приступа никто и никуда бежать не может.

– Вот именно. – Хелен немного поколебалась. – Никто не может сказать ничего определенного о причине смерти мистера Прескотта, но возможно, что мистер Рэнсом... – Ее голос стих, подозрения были слишком ужасны, чтобы говорить о них вслух.

– Зачем ему это понадобилось? – спросила Гаррет после долгого молчания. – Ты думаешь, он мог выступать на стороне злоумышленников?

– Никто не знает, на чьей он стороне, но Рэнсом не тот человек, с которым тебе нужно общаться. – Хелен с беспокойством и нежностью посмотрела на нее. – У моего мужа есть присказка насчет рискованных действий: «Господь – это хорошо, только не затевай танцев в маленькой лодчонке».

Облако уныния, которое накрыло Гаррет после информации Хелен, не рассеялось и на следующий день. А тут еще отец помахал перед ее носом свежим номером «Полис газетт» и особо многозначительно спросил:

– Что будешь с этим делать, дочка?

Нахмурившись, Гаррет взяла у него газету и быстро пробежала заметку глазами.

«Вечером во вторник тюрьма предварительного заключения в суде Кингс-Кросс подверглась нападению. Проникший внутрь злоумышленник, личность которого не смогли установить, атаковал камеру, в которой находились трое заключенных. Жертвами стали солдаты ее величества 9-го пехотного полка, которым предъявлено обвинение в нападении на леди, чью личность публично не идентифицируют. Злоумышленник скрылся до того, как были приняты меры к его задержанию. Все трое солдат будут оставаться в заключении без права выхода под залог до их появления в суде. Любой, кто предоставит старшему констеблю У. Кроссу информацию, которая приведет к задержанию неизвестного преступника, получит, по словам полицейского, вознаграждение в десять фунтов».

Пытаясь совладать с разразившимся внутри хаосом, Гаррет вернула газету отцу. О господи, как Рэнсом мог напасть на трех человек, находящихся в тюрьме?

– Нет никаких доказательств, что это дело рук Рэнсома, – отрезала она.

– Только люди Дженкина могут войти и выйти из тщательно охраняемой тюрьмы, и так, что их не схватят.

Гаррет с трудом заставила себя посмотреть отцу в глаза. За последнее время он сильно похудел, кожа на когда-то пухлых щеках обвисла, под глазами появились мешки, а вид у него был такой тихий и усталый, что слезы подступали к глазам.

– Мистер Рэнсом не переносит никакого насилия над женщиной, – сказала она. – Это, конечно, не извиняет его.

– Ты не придавала значения тому, что случилось в тот вечер, – сказал отец, внимательно глядя на нее. – Ты говорила, что солдаты только оскорбили тебя, но ведь все обстояло намного хуже, не так ли?

– Да, папа.

– Тогда эти шакалы заслужили то, что сделал с ними Рэнсом, что бы он там ни сделал. Может, он и хладнокровный убийца, чья душа будет гореть в аду, но я благодарен ему. Я и сам отделал бы этих мерзавцев, если бы только у меня были силы.

– Я не одобрила бы этого, как не одобряю и его действия, – заявила Гаррет, складывая руки на груди. – Член «комитета бдительности» ничем не лучше головореза.

– Собираешься ему сказать об этом?

Ее губы скривились в усмешке.

– Собираешься добиться от меня чистосердечного признания, папочка? У меня нет намерений вновь увидеться с мистером Рэнсомом.

Фыркнув, отец продолжил чтение газеты. Сквозь шелест переворачиваемых страниц донесся его голос:

– То, что ты не можешь посмотреть человеку прямо в глаза, когда лжешь, совсем не означает, что ты одурачила его.

Несколько следующих дней принесли с собой только нескончаемое раздражение и кучу тяжелой работы. Гаррет приняла роды у жены заведующего одним из отделов, вправила ключицу, продемонстрировала приемы малой хирургии, удалив неопасную опухоль, – и все это делала безразлично и рассеянно. Даже интересный случай ревматической эффузии коленного сустава не смог поднять ей настроения. В первый раз за всю жизнь у Гаррет необъяснимым образом стало исчезать ее восторженное отношение к работе, которая всегда давала цель и приносила удовлетворение.

Ей пока удавалось избегать ужина с Рейвенелами, ссылаясь на усталость после круглосуточного бодрствования у постели больного, но было понятно, что скоро последует очередное приглашение, и его придется принять.

Во вторник к вечеру, когда Гаррет собирала свой саквояж, готовясь к еженедельному визиту в рабочий дом, к ней пожаловал ее напарник по работе в клинике.

Хоть доктор Уильям Хевлок и не делал секрета из того, что выступал против решения Уинтерборна принять на работу врача-женщину, очень скоро стал ее наставником и верным другом. Мужчина средних лет с характерной копной седых волос и с крупной «львиной» головой – именно так по мнению пациентов и должен выглядеть настоящий врач, – он обладал потрясающим практическим опытом и авторитетным мнением, и Гаррет многому у него научилась. К его чести, Хевлок, несмотря на грубые манеры, был человеком честным и открытым. Вначале он противодействовал Гаррет, но затем стал относиться к ее хирургической подготовке в Сорбонне скорее с интересом, чем с подозрением, и даже принял ее методы антисептики, которым она научилась у сэра Джозефа Листера. Как результат, пациенты клиники на Корк-стрит показывали более высокий уровень выздоровления после операции, чем в других клиниках.

Доктор Хевлок появился в дверях подсобки с двумя мензурками в руках, наполненными золотистой жидкостью, и объявил, протягивая одну Гаррет:

– Я принес тебе порцию укрепляющего тоника.

Приподняв брови, она подозрительно понюхала содержимое, потом через силу улыбнулась.

– Виски?

– Не просто виски, это «Дьюарз». – Он внимательно посмотрел на нее и провозгласил: – С днем рождения!

У Гаррет округлились глаза от удивления. Даже ее отец не помнил, а здесь она вообще никому не говорила.

– Откуда вы узнали?

– Дата стояла на твоём заявлении о приеме на работу. Так как моя жена занимается личными делами, она знает дни рождения всех сотрудников и не забывает о них.

Они чокнулись и выпили. Виски было крепким и одновременно мягким. Во рту у Гаррет остался привкус солода, меда и свежескошенного сена. На секунду закрыв глаза, она ощутила, как жидкий огонь стекает вниз по пищеводу.

– Роскошно! – проговорила она. – И какое удовольствие! Спасибо вам, доктор Хевлок.

– У меня есть еще один тост: «Neque semper arcum tendit Apollo».

Они выпили снова.

– А что это значит? – поинтересовалась Гаррет.

– «Даже Аполлон не всегда натягивает свой лук». – Хевлок добродушно посмотрел на нее. – В последнее время ты постоянно в кислом настроении. Я не знаю конкретно, в чем проблема, но у меня есть предположение. Ты преданный своему делу доктор, несешь на своих плечах массу обязанностей и делаешь это так умело и квалифицированно, что все мы забываем о главном: ты еще очень молода.

– Это в двадцать восемь-то? – уныло спросила Гаррет и сделала еще один глоток из мензурки.

– Всего лишь маленькая девочка в лесной чаще, – сказал он. – И как у всех молодых, у тебя наблюдается тенденция бунтовать против строгого надсмотрщика.

– Никогда так о вас не думала, – запротестовала она.

Хевлок криво усмехнулся.

– Я как раз не строгий надсмотрщик, доктор, а вот вы – да. Дело в том, что восстанавливаться – естественная необходимость. А твой стиль работы превращает тебя в зануду, и ты останешься занудой до тех пор, пока не найдешь приятное занятие за пределами нашей клиники.

Гаррет нахмурилась:

– У меня нет интересов за пределами нашей клиники.

– Если бы ты была мужчиной, я посоветовал бы тебе провести ночь в самом лучшем публичном доме, который был бы тебе по карману. Однако у меня нет никаких идей, что посоветовать молодой женщине в такой ситуации. Просмотри список хобби и выбери себе что-нибудь. Заведи любовную интрижку. Отправляйся на праздник в какое-нибудь место, где еще ни разу не была.

Закашлявшись от глотка виски и прослезившись, Гаррет удивленно посмотрела на него и хрипло уточнила:

– Вы только что посоветовали мне завести любовную интрижку?

Хевлок расхохотался:

– Мне удалось тебя удивить, да? Все не так плохо, как ты сейчас подумала. И не надо тарашиться на меня, как монахиня, страдающая поносом. Ты ведь доктор и прекрасно понимаешь, что сексуальный акт может быть совершенно не связан с деторождением и тем более с проституцией. Ты пашешь как мужчина, получаешь такие же деньги и можешь точно так же развлекаться, если действовать с достаточной осмотрительностью.

Ей пришлось опустошить мензурку, прежде чем она нашлась, что ответить.

– Оставив в стороне моральные принципы, могу сказать, что риск не стоит того. Если мужчину поймают на интрижке, его карьера не пострадает, а от моей ничего не останется.

– Тогда выходи замуж. Любовь – это не то, что можно позволить себе прохлопать, доктор Гибсон. Как ты думаешь, почему я, вполне удовлетворенный собой вдовец, строил из себя дурака, ухаживая за миссис Фернсби, пока она не согласилась стать моей женой?

– Удобство? – предположила Гаррет.

– О господи, нет, конечно! Нет никакого удобства в том, чтобы соединить свою жизнь с другим человеком. Брак – это как бег в мешках: вы можете исхитриться подпрыгивать вместе, чтобы пересечь финишную черту, но без мешка это сделать намного легче.

– Тогда зачем все это нужно?

– Наше существование, даже наш интеллект зависят от любви. Без нее мы превратимся в бревна и камни.

Удивившись про себя такому сентиментальному спичу коллеги – вот ведь неожиданность! – Гаррет запротестовала:

– Не так-то это просто – найти свою любовь. Вы говорите с такой легкостью, словно это как пойти в лавку и купить дыню.

– Ты явно не занималась ни тем, ни другим. Да будет тебе известно, что найти свою любовь намного проще, чем отыскать хорошую дыню.

Гаррет криво усмехнулась:

– Уверена, что вы советуете из самых добрых побуждений, но я не употребляю дыни и не занимаюсь любовными интрижками. – Она вернула ему пустую мензурку. – Пожалуй, для начала попытаюсь просмотреть список хобби.

– Это уже что-то. – Хевлок подошел к двери и, обернувшись, посмотрел на Гаррет. – Ты прекрасно умеешь слушать людей, мой юный друг. Тебе бы еще научиться так же хорошо прислушиваться к самой себе.

К тому времени, когда Гаррет закончила свой обход в лазарете работного дома в Клеркенуэлле, наступила ночь. Усталая и голодная, она вышла на улицу и в утомленном молчании летнего вечера побрела по тротуару. Издалека донесся скорбный вопль паровоза, перекрывая глухой грохот валов, шипение парового котла и стук колес. Внезапно сообразив, что ей не хочется возвращаться домой, Гаррет замедлила шаг. Отец играет в свой еженедельный покер с друзьями и не хватится ее. Но куда пойти, она не могла придумать. Клиника и универмаг были уже закрыты, а ввалиться в чей-то дом без приглашения было совершенно неприемлемо.

Желудок заурчал от голода, и Гаррет вспомнила, что пропустила сегодня ленч.

Одним из главных правил ее передвижения в опасных районах города было идти с уверенным видом. Так она и шла, время от времени останавливаясь, – ноги были словно налиты свинцом. Что она делает? Что за ужасное ощущение пустоты, которую не заполнит никакое проклятое хобби, никакой проклятый праздник?

Может, ей отправиться к Хелен без приглашения – к дьяволу манеры! Подруга выслушает ее и найдет что сказать. Но нет... За этим последуют новые предложения познакомиться с Уэстоном Рейвенелом – заменой тому, с кем ей действительно хотелось увидеться... с аморальным типом, развратником, убийцей, шпионом на службе правительства.

Гаррет остановилась и восстановила в памяти все, что слышала о нем за последнюю неделю.

«Никто не знает, на чьей он стороне. Но он не тот человек, с которым тебе следует общаться». «Рэнсом – хладнокровный убийца, чья душа будет гореть в аду». «Если он встретится с тобой тайно, куда это заведет?»

И низкий голос Рэнсома: «Я не вижу в вас никаких недостатков».

Гаррет так и продолжала стоять, загнанная в ловушку таинственного состояния, полного внутренней боли. Ей было слышно, как скандалит парочка на соседней улице, затем откуда-то донесся крик осла, а вслед за ним – призывные крики уличного торговца, катившего свою тележку по тротуару. Городской гул заполнял собой каждую уходящую секунду – так Лондон освобождался от суматохи дня, чтобы быть захваченным новым волнением теплой летней ночи. Это был вульгарный, с толстым животом, преуспевающий город, обутый в камень и железо, одетый в толстое пальто из фабричного дыма, носивший миллионы секретов в своих карманах. Гаррет любила его весь целиком, от собора Святого Павла до самой последней канализационной крысы. Лондон, друзья, работа – для нее этого было достаточно всегда... до последнего времени.

– Я хочу... – прошептала Гаррет и прикусила губу.

«Я хочу...» – такие слова она никогда не употребляла.

Интересно, где сейчас Рэнсом?

А что, если закрыть глаза? Тогда, возможно, она и увидит его, как изображение, которое возникает в хрустальном шаре гадалки.

Внезапно Гаррет обнаружила в своей руке серебряный полицейский свисток. Оказывается, она механически вытащила его из кармана жакета и теперь поглаживала блестящую поверхность подушечкой большого пальца.

Словно подчиняясь какому-то лунатическому позыву, она приложила свисток к губам, слегка дунула в него и, закрыв глаза, досчитала до трех, тщательно прислушиваясь, не раздается ли звук приближающихся шагов.

«О, я хочу, хочу...»

Гаррет приоткрыла глаза. Никого!

Значит, пора возвращаться домой. Угрюмо сунув свисток назад в карман, она вытащила из-под мышки трость, развернулась, чтобы продолжить путь, и неожиданно для себя уткнулась в стену. Сдавленно крикнув, Гаррет выронила саквояж.

«Страдающий Спаситель!»

Но это была не стена! Это был человек!

Прежде чем разум осознал, что произошло, ее тело уже ощутило крепкие мышцы мужской груди. Большие руки надежно обхватили ее, а темно-синие глаза коротко обежали с головы до ног, убеждаясь, что с ней все в порядке.

Рэнсом!

Он все-таки шел за ней. Когда она заглянула в это суровое лицо, ее охватило веселье. Дрожащий смешок слетел с ее губ и повис в воздухе. Как это здорово – ощущать его присутствие рядом! Душа возликовала.

– Этим свистком нужно пользоваться, только когда вам нужна помощь, – тихо проговорил Рэнсом.

Не в силах сдержаться, Гаррет рассмеялась и заговорила своим обычным тоном:

– А мне действительно требуется помощь. Я страшно хочу есть.

За тщательно контролируемым выражением его лица чувствовалась напряженная игра эмоций.

– Acushla³, – хрипло прошептал он, – не делай этого.

– У меня сегодня день рождения, – сообщила Гаррет.

Пламенный взгляд пронзил ее.

– Правда?

Она кивнула в ответ, пытаясь сделать несчастный вид.

– Мне одиноко, я хочу есть, и сегодня у меня день рождения.

Рэнсом тихо выругался, вроде как произнес слова на вечерней молитве, а потом нежно взял ее за подбородок. Его прикосновение было таким приятным, что Гаррет показалось, будто кожа у нее на лице обновилась. Окинув ее пылающим взглядом, Рэнсом мрачно покачал головой, словно удивляясь злосчастному повороту судьбы, подобрал ее саквояж и коротко бросил:

– Пойдемте.

И Гаррет пошла за ним, не спрашивая, куда, и ни о чем не беспокоясь.

Глава 6

На ходу Гаррет взяла Рэнсома под руку и ощутила его напряженные мускулы. Так они и шли – мимо пивной, мимо публичного дома, мимо свечной лавки и магазина, торговавшего ношеной одеждой. Улицы начали заполняться людьми – матросами, веселыми девицами, мужчинами в серых плащах, продавщицами, торговцами и хорошо одетыми женами коммерсантов. Гаррет избавилась от своей всегдашней настороженности. Теперь никто не осмелится подойти

---

³ Милая, родная (ирл.).

к ней: ведь она идет под руку с огромным бугаем, который явно чувствовал себя на улицах как дома и заставлял окружающих испытывать страх.

Подумав об этом, Гаррет тут же вспомнила случай с проникновением в тюрьму.

– Чем вы занимались со дня нашей последней встречи? – спросила она. – В «Полис газетт» я прочитала о вашем последнем подвиге.

– О каком именно?

– Как вы вломились в тюрьму и напали на троих солдат, – проворчала Гаррет. – Это было дурно с вашей стороны и совершенно ни к чему.

– Я на них не нападаю. У нас случилась небольшая потасовка, но только для того, чтобы привлечь их внимание, пока я буду прочищать им уши.

– Вы проникли в тюрьму только для того, чтобы выбрать их? – не поверила она.

– Я доходчиво объяснил им, что любой, кто попробует хоть как-то вас обидеть, будет иметь дело со мной и тогда света белого не взвидит. То же будет, если вдруг до меня дойдет, что кто-то из них напал на любую другую женщину. В общем, запугал их как следует, чтобы не взялись за старое.

– Поэтому и написали, что личность нападавшего не удалось установить? Они просто побоялись сказать, что узнали вас?

– Я умею запугивать, – сказал Рэнсом.

– Судя по всему, вы назначили себя и судьей, и присяжными, и палачом. Но ведь этим должна заниматься юридическая система.

– Закон не всегда работает нужным образом, когда речь заходит о подобных негодях. Все, что они понимают, – это страх и возмездие. – Он помолчал. – Если бы у меня была совесть, она бы не мучилась из-за таких негодяев. А теперь расскажите, чем вы занимались в рабочем доме.

Гаррет поведала ему о пациентах лазарета, о жутком состоянии палат, о еде, которая состоит в основном из овсянки и хлеба и не подходит для больных, а для детей так просто вредна, однако все ее призывы к местному начальству оставались гласом вопиющего в пустыне.

– Они сказали, что, если еда в рабочем доме будет подходящей, толпы людей начнут расталкивать друг друга локтями, чтобы заполнить ее.

– То же самое говорят и о еде заключенных, – заметил Рэнсом с мрачной усмешкой. – Их аргумент прост: как только еду в тюрьмах улучшат, люди начнут совершать преступления, просто чтобы иметь постоянное питание. Но пока никто из тех, кто оказался по ту сторону тюремной двери, не заявил ничего подобного. А единственным преступлением тех, кто заканчивает жизнь в рабочем доме, является нищета.

– Администрации рабочего дома явно недостает здравого смысла, – сказала Гаррет. – Именно поэтому я решила обратиться наверх через их головы и составила доклад для канцелярии министерства внутренних дел и муниципалитета, где объяснила в деталях, почему администрация рабочего дома должна ввести минимальный набор стандартов. Это имеет прямое отношение к общественному здравоохранению.

На губах Рэнсома появилась слабая улыбка, и он пробормотал:

– Дела, дела, ничего, кроме дел. У вас остается время на себя, доктор?

– Я люблю свою работу.

– Я имею в виду, вы ходите куда-нибудь повеселиться время от времени?

– Сегодня у меня состоялся подобный разговор с моим коллегой, доктором Хевлоком, – грустно улыбнулась Гаррет. – Он назвал меня занудой. Думаю, вы согласитесь с ним.

Рэнсом издал короткий смешок.

– Правда? Зануда – это что-то вроде мокрого покрывала, которое набрасывают на огонь, чтобы потушить. А от вас самой можно зажигать огонь.

Ее это обезоружило.

– Ну конечно, я ведь искусительница с жуткой репутацией, – протянула она с усмешкой. – Всем это известно.

– Думаете, я шучу?

– Мистер Рэнсом, одно дело – говорить какой-нибудь средненький комплимент, и совсем другое – выставлять меня кем-то вроде Клеопатры.

Он не присмирел и не сконфузился, лишь посмотрел на Гаррет с легкой досадой и, взяв ее за руку, повел в узкий темный переулок, где, нацелив в небо оглобли, выстроились в ряд телеги и фургоны торговцев, подогнанные задками друг к другу и связанные цепями. От соседнего домишки волнами исходил острый запах жареной сельди и пережженных каштанов.

Гаррет остановилась.

– Куда вы меня ведете?

– Я предпочел бы не обсуждать это на улице.

– Тут нечего обсуждать. Все и так ясно.

– Не все.

Рэнсом крепко держал ее за руку, и единственная причина, по которой она не вырывалась, – ей стало любопытно, что он скажет.

Заведя Гаррет в тень, которую отбрасывала пустая лестница, Рэнсом опустил саквояж и трость и заговорил осипшим голосом:

– Что бы вы там ни думали обо мне, я никогда не буду играть с вами в эти игры. Одному дьяволу известно, почему вы не хотите признать, что нравитесь мне. Или вы не заметили, что, когда я нахожусь рядом с вами, это возбуждает меня, как призового быка?

– Заметила, – резким шепотом ответила Гаррет. – Однако мужская эрекция не всегда является следствием сексуального желания.

Он смотрел на нее так, словно был полностью сбит с толку.

– Вы о чем?

– Спонтанный приапизм может возникнуть от натирания мошонки, от травмирующего удара в промежность, от приступа подагры, от воспаления протока простаты...

Внезапно Рэнсом привлек ее к себе, и она почувствовала, что он дрожит всем телом. Это встревожило Гаррет, но ровно до того момента, пока она не услышала у себя над ухом сдавленный смешок, и не поняла, что он старается сдержаться, чтобы не расхохотаться в голос.

– Что тут смешного? – приглушенно спросила она, однако Рэнсом не смог ей ответить, продолжая давиться смехом. Ее это уязвило. – Как врач, могу вас заверить, что в непроизвольной эрекции нет ничего забавного.

Он чуть не впал в истерику и взмолился:

– Боже праведный! Больше никаких разговоров о медицине. Пожалуйста!

Гаррет замолчала и решила подождать, когда он все-таки придет в себя.

– Это случилось не потому, что у меня была мошонка натерта, – наконец сказал Рэнсом и прижался щекой к ее голове. – Мы с вами, судя по всему, не собираемся пользоваться иносказаниями, поэтому скажу прямо, в чем была причина: удерживая женщину в объятиях, я уже мечтал о большем, чем мог себе позволить. Ваша близость возбуждала, но я не должен был хотеть вас. Я не должен был приходиться к вам сегодня.

Гаррет растерялась и, не зная, что ответить, в изумлении подумала: «Он использует откровенность как оружие. Завел непонятно куда, чтобы укрыться от лишних глаз. Это интригует».

– У вас не было выбора. Это ведь я вас позвала, – наконец произнесла она и, уткнувшись в его плечо, добавила: – Мой джинн из свистка.

– Я не гарантирую исполнения желаний.

– Значит, вы джинн второго сорта. Я должна была догадаться, что мне достанется именно такой.

Очередная волна смеха всколыхнула ее волосы. Гаррет подняла голову и увидела, как близко его губы, ощутила свежесть и тепло его дыхания. У нее засосало под ложечкой.

Гаррет уже целовалась пару раз – сначала с симпатичным доктором, когда работала медсестрой в больнице Святого Томаса, а потом – со студентом-медиком в Сорбонне. Нельзя сказать, что мужские губы, прижимавшиеся к ее губам, вызывали у нее чувство отвращения, но она определенно не могла понять, почему о поцелуях говорят с таким восторгом.

Хотя с Этаном Рэнсомом все могло быть по-другому.

Он стоял не двигаясь. Взгляд, направленный на нее, был такой силы, что она испытала физический толчок. «Он собирается меня поцеловать», – поняла Гаррет и вдруг почувствовала слабость, а сердце заколотилось, как сумасшедшее.

Однако Рэнсом резко отстранился, его губы скривились, словно он смеялся над самим собой.

– Я обещал вас накормить. Надо поддерживать физическую форму, чтобы драться.

Они вернулись на главную улицу и вскоре вышли на площадь, заполненную толпами людей. Все витрины лавок светились огнями, и по меньшей мере сотня выносных прилавков были установлены на козлах в два ряда. В центре под аккомпанемент скрипки и корнет-а-пистон плясали джигу, матросский танец «хорнпайп» и польку. Сквозь мельтешащую толпу пробирались уличные певцы, которые останавливались то тут, то там, чтобы спеть потешные куплеты или сентиментальные баллады.

Гаррет смотрела на развернувшуюся перед ней картину, не скрывая удивления.

– Это похоже на субботний ночной рынок.

– Тут празднуют открытие новой линии лондонской подземки. Владелец линии Том Северин заплатил из своего кармана за ярмарку и концерты по всему городу.

– Возможно, мистер Северин и заработает на этом авторитет, – усмехнулась Гаррет, – только уверяю вас, он ни шиллинга не потратил на праздник из своего кармана.

Рэнсом бросил на нее мимолетный взгляд.

– Вы знаете Северина?

– Меня познакомили с ним. Это друг мистера Уинтерборна.

– Но не ваш?

– Я назвала бы это шапочным знакомством, – сказала Гаррет и с удовольствием отметила, что у Рэнсома между бровями залегла складка. Может, он ревнует? – Мистер Северин интриган. Мало того – лицемер. Он умудряется из всего извлекать свою выгоду, даже за счет друзей.

– Типичный делец, – равнодушно заметил Рэнсом.

Гаррет рассмеялась:

– Это точно.

Они обошли толпу и направились к прилавкам, каждый из которых был освещен отдельно газовой лампой, жировым светильником или канделябром со свечами, прикрытыми абажуром. Еду держали либо в котлах с подогревом, либо в машине из олова и бронзы, у которой из трубы, установленной наверху, валил ароматный пар.

– Что будете есть? – начал Рэнсом, но его внимание отвлекла разыгравшаяся неподалеку сцена.

Пухлая розовощекая молодая женщина в войлочной шляпе, украшенной разноцветными шелковыми лентами, изо всех сил удерживала в руках большую плоскую базарную корзинку, которую у нее пытался отобрать рыжий констебль. Вокруг собрались люди, чтобы посмотреть на спектакль: одни смеялись, другие выкрикивали обидные слова в адрес констебля.

– Это же Мэгги Фрил, – сочувственно произнес Рэнсом. – Я знал ее семью и... дружил с ее братьями. Вы не против, если я займусь ею?

– Ни в коем случае, – с готовностью ответила Гаррет.

Широко шагая, Рэнсом направился к спорившей парочке. Гаррет пошла следом.

– Что случилось, Макшихи? – спросил он констебля.

– Я конфискую катушки с тесьмой за то, что она говорит дерзости! Вот, что случилось, – отрезал полицейский и вырвал у женщины корзинку, в которой лежали нитки, кусочки тканей и длинная шпулька с намотанными на ней тесьмой и лентами.

Плачущая женщина повернулась к Рэнсому и заговорила с тяжелым ирландским акцентом:

– Он не может отобрать у меня нитки только потому, что я обозвала его. Ведь не может?

– Могу и отберу, – заверил ее констебль. С раскрасневшимся от злости лицом, с этими рыжими бровями и волосами он походил на пылающий кусок угля.

– Головорез! – выкрикнула женщина. – Да чтоб тебя кошка слопала, а кошку – дьявол!

– Тихо! Придержи язык, Мэгги, – скомандовал Рэнсом. – Тебе что, трудно говорить более вежливым тоном с человеком, который поддерживает в этом месте порядок? – Пока женщина придумывала, что ответить, он поднял руку, успокаивая ее, а сам повернулся к полицейскому и тихо заговорил: – Билл, ты же знаешь, что она живет на деньги, вырученные от продажи этих ниток. Забрать их – то же самое, что вытащить у нее кусок хлеба изо рта. Имей сердце, парень.

– Она оскорбляла меня как хотела.

– Улогий-кривоногий? – поддела его женщина. – Так, что ли?

Констебль прищурился.

– Мэгги! – тихо предупредил Рэнсом, бросив на нее многозначительный взгляд. – Перестань обзывать человека. На твоём месте я предложил бы ему кусок ленты для его возлюбленной.

– У меня нет возлюбленной, – пробормотал констебль.

– Я в шоке! – ядовито произнесла Мэгги.

Рэнсом мягко взял ее за подбородок.

Тяжело вздохнув, женщина повернулась к полицейскому и все с тем же ирландским акцентом произнесла:

– О, я сгораю от стыда! Я подарю вам ленту.

– И что мне с ней делать? – нахмурился Макшихи.

– Ты что, тупой? – возмутилась Мэгги. – Подари ее девушке, которая тебе нравится, и скажи, что лента идет к ее глазам.

Без всякого желания констебль вернул ей корзинку.

– Slan, Eatan, – сказала Мэгги и принялась отмерять ленту.

Когда они отошли на приличное расстояние, Гаррет спросила:

– Что она вам сказала?

– Ирландцы из суеверия не говорят «до свидания», а вместо этого употребляют слово «slan», что означает «иди с миром».

– А второе слово?

– Так ирландцы произносят мое имя.

Гаррет решила, что три этих слога звучат просто очаровательно, как музыкальный напев.

– Мне нравится, – задумчиво протянула она. – Но ваша фамилия... Рэнсом... Она ведь английская, да?

– Уже триста лет Рэнсомы живут в Уэстмите. Не заставляйте меня доказывать на людях, что я ирландец. Мы оба можем оказаться в неловком положении.

– Это ни к чему, – заверила его Гаррет и усмехнулась.

На ходу его свободная рука соскользнула ей на талию.

– Вы уже бывали в этом квартале?

– Однажды пришлось. – Гаррет кивнула в сторону церкви с одинокой колокольной, возвышавшейся над местностью. – Это же Святой Иаков, да?

– Да. А вон то здание – Кэнонбери-хаус. В нем давным-давно жил лорд-мэр со своей дочерью Элизабет. – Рэнсом показал на особняк в отдалении. – Когда ему стало известно, что Элизабет влюбилась в молодого лорда Комптона, он запретил ей выходить замуж и запер в башне. Но Комптону все-таки удалось выкрасть ее из дома: он вынес Элизабет в корзине булочника, – и вскоре они поженились.

– Как же она уместилась в корзине? – недоверчиво спросила Гаррет.

– В то время корзины обычно были большого размера, их носили на спине.

– Все равно не могу представить.

– Это совсем не трудно, если Элизабет была такая, как вы. – Окинув ее стройную фигурку быстрым взглядом, он добавил: – Карманный размер.

Непривычная к поддразниваниям, Гаррет засмеялась и порозовела.

Пока они шли мимо телег и фургонов, Гаррет услышала множество акцентов – ирландский, уэльский, итальянский, даже французский. Рэнсом знал многих торговцев и разносчиков, над которыми подтрунивал или шутливо бранился. Не один раз Гаррет якобы на полном серьезе предупреждали, чтобы она не водила компанию с этим «медоточивым шельмецом» и «симпатичным проходимцем», и, в конце концов, даже предложили способ, как держать такого необузданного, полного проблем молодого человека под каблуком.

От разнообразия еды разбегались глаза: штабеля пикши, зажаренной в тесте, гороховый суп с плавающими ломтиками солонины, запеченная в мундире картошка, разваленная на куски и смазанная сливочным маслом, устрицы, запеченные в раковинах, маринованные моллюски, размером с яйцо клецки с нутряным салом, кипящие в огромных сотейниках, пирожки с мясом, слепленные в виде полукруга, чтобы удобно было держать в руке, сухой сервелат, болонская колбаса, консервированные языки, куски ветчины с прожилками белого сала, из которых уже приготовили сендвичи под названием «троттерс» – «ножки».

Дальше, в конце ряда располагалось царство сладостей: пудинги, пирожки, сдобные булочки, лимонные пироги, имбирные пряники в виде орехов, покрытых хрустящей сахарной глазурью, и пироги с начинкой из смородины, крыжовника, ревеня или вишни.

Рэнсом вел Гаррет от одного прилавка к другому и покупал все, на чем останавливался ее взгляд. В бумажном кульке уже лежала порция горячего зеленого горошка с жареным беконом и кусок пирога с изюмом. По настоянию Рэнсома она попробовала острую телятину, тушенную по-итальянски, которая оказалась такой вкусной, что Гаррет съела почти целую миску. Однако попробовать спагетти – нечто длинное, белое, похожее на морской лук, которое плавало в соусе, – он не смог ее заставить.

При виде незнакомой еды Гаррет поежилась.

– Это напоминает червей.

– Ну какие же это черви? Это приготовлено из муки и яиц. Попробуйте.

– Нет, я не могу. Правда не могу. – И видя, как Рэнсом наматывает на вилку длинные веревки из теста, она слегка побледнела. – О господи! Не ешьте это у меня на глазах.

Рэнсом рассмеялся:

– Вы такая брезгливая? А еще доктор.

– Пожалуйста, уберите, – попросила Гаррет.

Он покачал головой и сочувственно улыбнулся.

– Подождите здесь. – Отдав оловянную миску двум паренькам, стоявшим за прилавком, Рэнсом отошел и вскоре вернулся с бутылкой коричневого стекла.

– Имбирное пиво? – предположила она.

– Brachetto rosso.

Осторожно пригубив напиток, Гаррет одобрительно промычала: это оказалось красное сладкое вино, – и пока они обходили стороной толпу, собравшуюся в центре площади, продолжала прикладываться к горлышку.

- Чего они ждут? – поинтересовалась Гаррет.
- Скоро сами увидите. – Этан повел ее к восточной стороне, где возвышался внушительный дом собраний с классическим портиком по фасаду и массивными колоннами.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.